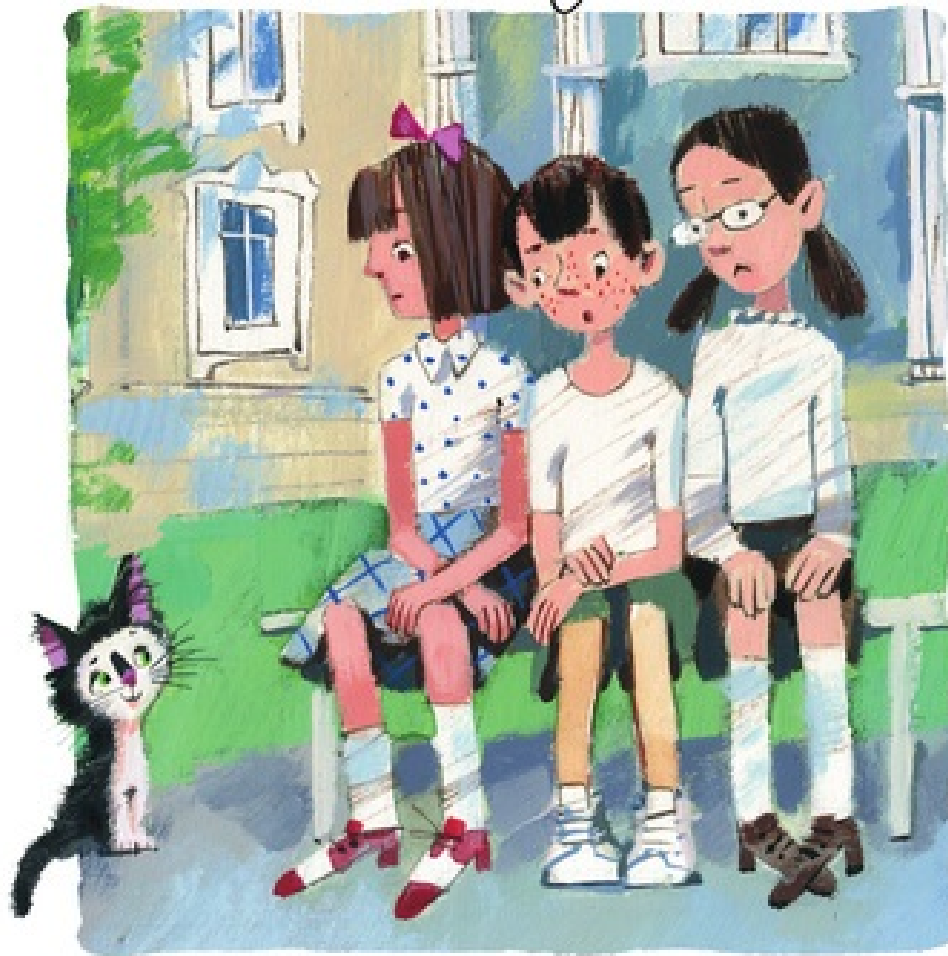

ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

Ксения Драгунская

ЛЕКАРСТВО
ОТ
ПОСЛУШНОСТИ

М. Мачагон

Annotation

Не удивляйтесь, если ваш ребёнок, начитавшись рассказов Ксении Драгунской, вдруг попытается расколдовать ананас в надежде вернуть ему прежнее ежиное обличье или примется за обе щёки уплетать нелюбимый суп за компанию с дворовым толстым котом. Это вполне нормально. Ведь из детей, лишённых возможности фантазировать и выходить за общепринятые рамки, вырастают занудные и скучные взрослые. С книгой Ксении Драгунской, полной хулиганств и безобразий, ребята внутренне раскрепостятся, распрощаются с комплексами и страхами, чтобы развиваться в яркую и самодостаточную личность, способную без нотаций и назиданий отличить хорошее от плохого.

- [Ксения Драгунская](#)
 -
 - [Первая часть](#)
 - [Суп с котом](#)
 - [Лекарство от послушности](#)
 - [День рождения Дерева](#)
 - [Ананасовая история](#)
 - [Кот Барбосный](#)
 - [Старый Автомобиль](#)
 - [Важная главность](#)
 - [Грустный Троллейбус](#)
 - [Крайний случай](#)
 - [Ерунда на постном масле](#)
 - [Мама и рыжий король](#)
 - [Вторая часть](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Когда я была маленькая](#)
 - [Про меня](#)
 - [Хулиган](#)
 - [Очень грустная история](#)
 - [Противные старушки](#)
 - [Мальчик с ежами](#)
 - [Ксюндра и ксятки](#)
 - [Превращение](#)

- [«Мятые облака»](#)
 - [Целоваться запрещено!](#)
 - [Интернациональная дружба](#)
 - [Лысая зелёная макака](#)
 - [Третья часть](#)
 - [Предисловие](#)
 - [От души и на память](#)
 - [Приключения папы](#)
 - [В школе № 3076](#)
 - [В летнем лагере](#)
 - [Драгоценная банда](#)
 - [С большим приветом](#)
 - [Наши корни](#)
 - [Время](#)
-

Ксения Драгунская

Лекарство от послушности (сборник)

© Драгунская К. В., текст, 2014

© Бугославская Н. В., иллюстрации, 2014

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Первая часть

Кошачьи сны

Суп с котом

* * *

Некоторых мальчиков и девочек называют копушами. Это потому, что они всё очень медленно делают – одеваются, собираются и особенно едят. Весь детский сад уже спит дневным сном, а копуша сидит за столом один-одинёшенек, на суп смотрит. Грустная, грустная картина...

У меня тоже была знакомая девочка, которая медленно и плохо ела. Она почти совсем не глотала, а только складывала всё за щёки. Поэтому щёки у неё были большие, толстые, а сама она была такая маленькая и худенькая, что её не выпускали из дома в ветреную погоду.

Когда девочка садилась за стол, на кухне начинался настоящий концерт. Мама била в барабан, папа фокусы показывал, бабушка стояла на голове, дедушка подкидывал разноцветные шарики. Но девочка всё равно очень плохо ела. Мама и папа даже послали письмо знаменитому доктору Пяткину: «Помогите, доктор!» Но ответа что-то не было.

И вот однажды девочка так долго завтракала, что опоздала на урок и пошла в школу совсем одна. А школа была в соседнем дворе. Девочка вошла в подворотню, и тут ей навстречу попался огромный полосатый кот. Таких здоровенных котов девочка ещё никогда в жизни не видела.

– Ой, – сказала она.

– Ну и ну, – сказал кот. – Первый раз вижу такую маленькую, тощую

девочку. Вы, девочка, наверное, кашу не любите?

– Ах, котик, – вздохнула девочка. – Я вообще ничего не люблю. Даже жареную картошку. Даже кукурузу! Когда я вижу тарелку с супом, мне сразу становится грустно.

– А суп с котом вы никогда не пробовали? – спросил кот.

– А это из чего? – удивилась девочка.

– Идите в школу, – усмехнулся кот. – А на обед сегодня у вас непременно будет суп с котом.

И он ушёл по своим кошачьим делам.

Девочка еле дождалась, когда кончатся уроки. Она быстро прибежала домой, вымыла руки и уселась за стол. Но бабушка поставила перед ней тарелку самого обыкновенного супа. Девочка потыкала в тарелку ложкой – никакого кота там не было. Бабушка ушла, и девочка осталась одна. Ей стало грустно.

И тут откуда ни возьмись появился тот самый кот – толстый и полосатый. В лапах он держал мисочку.

– Ну-ка, что у вас сегодня на обед? – спросил он, налил из девочкиной тарелки себе в миску и стал есть.

Да так вкусно мурлыкал, что девочке тоже захотелось поесть супа. Вдвоём-то веселее! Ела, ела и не заметила, как всё съела.

– Как вам суп с котом? – спросил кот.

– С котом всё что угодно съесть можно! – радовалась девочка.

Но тут в кухню пришла бабушка.

– Караул! Коты! – закричала она, хотя кот был один. – В кухне незнакомые коты! Кыш! Брысь! – Она схватила веник...

Но кот уже исчез, как будто его и не было.

– А ты, оказывается, всё съела? – просияла бабушка. – Вот молодец! Только зачем ты напустила полный дом незнакомых котов? Ведь по радио передавали, что от незнакомых котов могут завестись кусачие насекомые – муравьи и комары. Да, да, так говорят по радио.

И она включила радио. А по радио передавали вот что:

– Внимание! Внимание! Говорит доктор Пяткин. Мне всё время пишут письма всякие папы и мамы: «Помогите, доктор! Наши дети не хотят есть. Что делать?» Отвечаю. Да не кормите вы их! Выпустите на волю. Дайте им санки, лыжи, самокаты. Или ничего не давайте. Пусть просто так бегают, пока не устанут. Потом приведите их домой – и сами увидите, что будет. Пока. Доктор Пяткин.

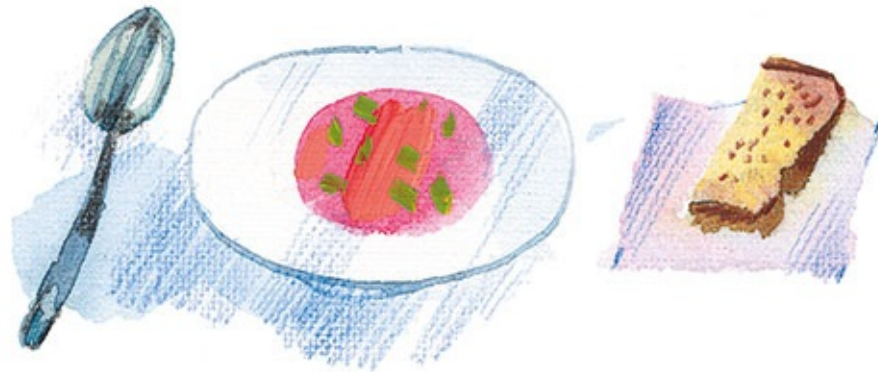
На следующий день бабушка так и сделала. И девочка долго бегала во дворе, прыгала и кричала. Это было ужасно здорово!

Потом она устала и пришла домой. А дома папа как раз собрался съесть яичницу с помидорами. И тут девочка подскочила к нему и сказала:
– Дай!

И съела. Сама. Без кота. С тех пор девочка ест всё. У неё даже уши потолстели. Такая она стала толстая и красивая.

Поэтому не грустите, копуши. Попробуйте сделать, как доктор Пяткин советует. Вдруг поможет, а?

А я пойду съем вкусноту какую-нибудь. Молочную кашу с пенками.

Лекарство от послушности

* * *

Однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими ёлочками, где мох, завёлся гномик. Ведь уже давно известно, что гномики появляются сами по себе, от тумана, сумерек, тепла, и моха, и грусти. Об этом писали в журнале «Волшебные известия» за позапрошлый год. Там так прямо и написано, по-научному: ТУМАН + СУМЕРКИ + ТЕПЛО + ГРУСТНО = ГНОМИК. Только не надо пытаться завести гномика у себя дома. Вот один мой знакомый, Андрей Владимирович, как-то попробовал. Набрал моха в лукошко, большую банку тумана насобирал, в сумерках сел в тёплой комнате и стал грустить. Думаете, у него получился гномик? Ха-ха! Получились грибы. Самые обыкновенные разноцветные сыроежки. Но когда он вымыл их и совсем уж было собрался сварить, сыроежки засмеялись и убежали.

Так вот, однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими ёлочками, где мох, завёлся гномик. «Подожду, вдруг ещё кто-нибудь заведётся», – решил гномик и сел на пенёк. Но никто не появлялся «Значит, я завёлся один, – сообразил он. – Вперёд! К делу!» Он выбрался на дорогу. Дорога была коричневая. На ней были лужи, и в них отражалось светлое вечернее небо.

В лесу становилось всё тише. Птицы засыпали. От травы и дороги поднимался туман. «До чего же хорошо жить на свете!» – подумал гномик. На берегу большой лужи он увидел красный игрушечный автомобиль, вскочил в кабину и помчался, освещая дорогу маленьким фонарём, сделанным из старой лампочки от ёлочной гирлянды.

Но гномики заводятся не просто от грусти, тепла, тумана и сумерек. Они появляются тогда, когда кто-то очень захочет, чтобы они появились. Когда они кому-нибудь очень нужны.

А гномик был очень нужен! Дело в том, что недалеко от леса, на берегу реки, в старом доме с колоннами жили ужасно примерные дети. Это был такой санаторий для ужасно примерных детей. Дети были совсем примерные – они никогда не жгли костров, не приносили домой маленьких собачат и котят, не лазали по деревьям, не ходили гулять на крыши, не путешествовали по лужам и не пачкали одежду, не разбивали коленки, не верили в гномиков. Они целыми днями ходили парами друг за другом, хором пели песню «ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ» и ябедничали друг на друга. Дети были до того примерные, что сам знаменитый доктор Пяткин не знал, как их вылечить. Потому что от непослушности лекарства уже были, а от послушности – нет. И доктор Пяткин совсем загрустил и даже подумал: «Вот бы чудо какое-нибудь случилось. Волшебство!» И от этого его большого хотения завёлся гномик.

Гномик на красном автомобиле приехал в санаторий утром. Дети сидели на скамейке, сложив руки на коленях, и шёпотом рассказывали друг другу таблицу умножения.

Гномик поскорее превратился в маленького пушистого котёнка и сел перед скамейкой, жалобно мяукая.

- Смотрите, котёнок! – сказала девочка с бантиками.
- Заразный, наверное, – сказала другая девочка.
- От котят лишаи, – сказал рыжий мальчишка.
- И глисты! – прибавил мальчик в очках.
- Надо позвать воспитательницу! – решил большой мальчик.
- Пусть посадит его в мусорное ведро! – сказала девочка с хвостиками.

Гном испугался мусорного ведра и поскорее превратился в мяч и весело запрыгал по дорожке.

– Смотрите, сейчас он попадёт в окно и разобьёт стекло! – сказал мальчик в очках.

- Позовите воспитательницу, пусть запрет его в кладовке.

Гномику не хотелось в кладовку. Он превратился в художника с красками и сказал:

– Давайте я нарисую вас всех прямо тут, на асфальте.

Тогда дети построились парами и пошли к воспитательнице и сказали ей хором:

– А чего там дядька какой-то сейчас асфальт своими красками вымажет?

– Где дядька? Какой дядька? – Воспитательница Алла Потаповна вышла на улицу.

А гномик уже превратился в невидимку.

– Да ведь тут никого нет, – сказала Алла Потаповна.

А сама подумала: «Так, вот они уже начинают что-то выдумывать. Обязательно расскажу об этом доктору Пяткину. Может быть, дети выздоравливают?»

И ушла.

А гномик превратился в самого себя, в гномика на красном автомобильчике, и сказал:

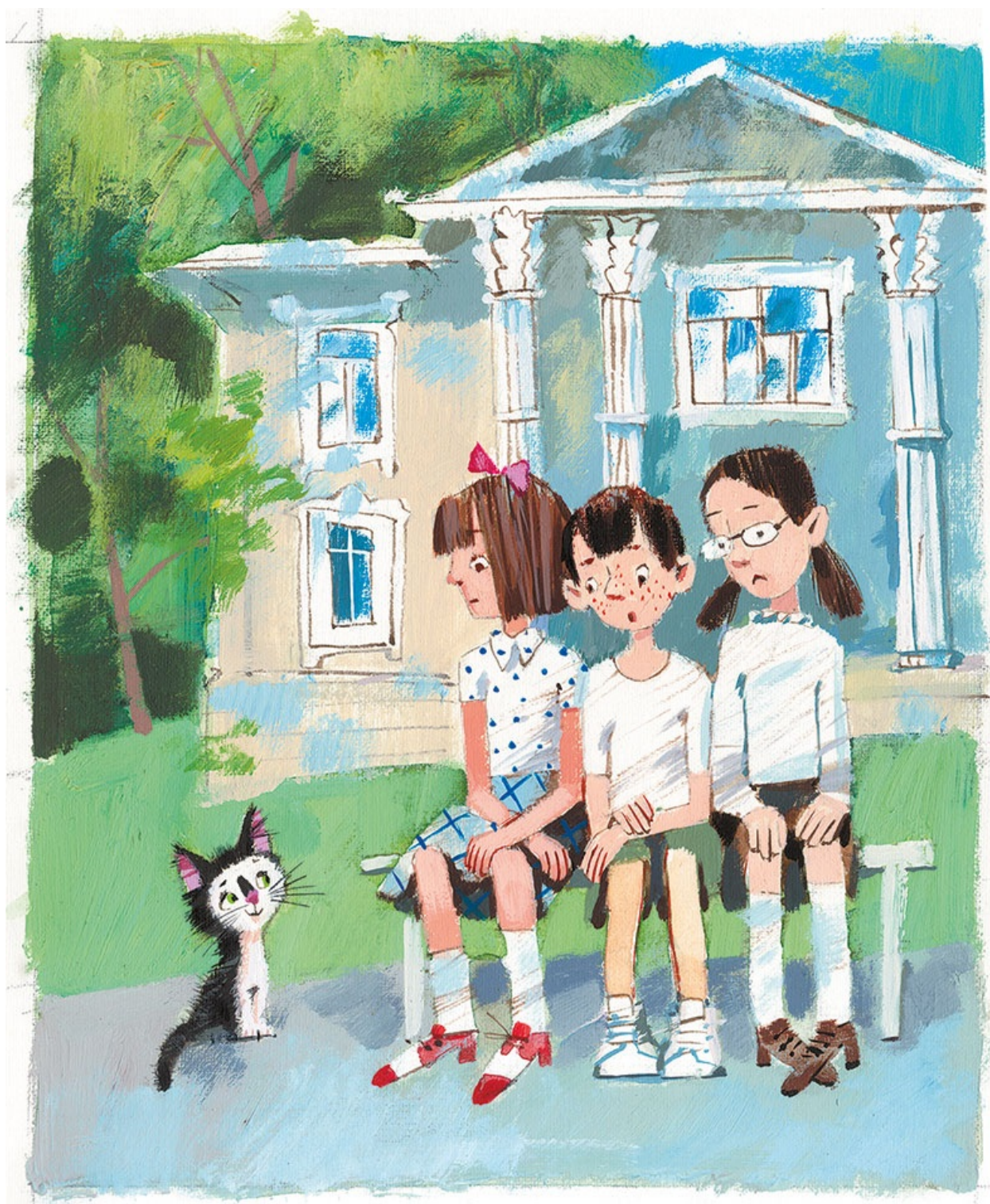
– Знаете, ребята, скажу вам честно, я – гномик.

– Гномиков не бывает, – хором сказали примерные дети.

И тогда гномик совсем обиделся. Ещё бы не обидеться – ты спешешь на помощь в красном автомобиле, смотришь, слышишь, разговариваешь и превращаешься изо всех сил, а тебе говорят, что тебя не бывает.

«Ну хорошо же!» – подумал гномик и превратился в дождь. Дождь намочил детей, и они превратились в маленьких лягушат.

– Дети, идите есть клубнику с молоком! – позвала воспитательница Алла Потаповна и вышла на крыльцо.

Но никаких детей не было.

– Куда же они подевались? – удивилась Алла Потаповна. – И откуда вдруг столько лягушат?

– Это мы! Это мы! – закричали лягушата и стали подпрыгивать, чтобы

Алла Потаповна их получше разглядела.

– Что за шутки? – строго спросила Алла Потаповна и прибавила жалобно: – Дети, перестаньте безобразничать.

Она наклонилась и увидела, что у одного лягушонка веснушки, у другого – очки, а третий – с бантиками.

Она схватилась за голову:

– Кто вам разрешил превращаться в лягушат?! Нет, это не санаторий для примерных детей. Это просто зоопарк для безобразников! Сию минуту превращайтесь обратно!

– Мы не можем! – завопили дети. – Нас заколдовали!

– Не выдумывайте! – рассердилась Алла Потаповна. – Превращайтесь обратно! Считаю до трёх! Раз! Два! Два с половиной! Два и три четверти! Три!!!

Но никто не превратился.

Алла Потаповна всплеснула руками и побежала звонить доктору Пяткину. А лягушата прыгали парами и хором пели песню «В траве сидел кузнечик».

«Так вам и надо!» – сердито подумал гномик. Он превратился в еловую шишку и смотрел на лягушат с высокой-высокой ёлки.

Приехал доктор Пяткин.

– Здравствуйте! – хором закричали лягушата.

Доктор надел очки, наклонился поближе к лягушатам, снял очки и упал в обморок.

Но тут же вскочил на ноги и сказал:

– Случай очень сложный! Необходимо посоветоваться с заграничными докторами и знатоками лягушек. Я немедленно увожу лягушат в Америку. Алла Потаповна, вызывайте вертолёт!

– Не хотим в Америку! – захныкали лягушата. А один, самый большой и толстый, стал плакать и звать маму.

«Ну ладно. Так уж и быть», – подумал гномик. И как был еловой шишкой, так и свалился с ёлки.

Шишка упала на лягушат, и они опять превратились в детей. Дети стояли и чихали, чихали, чихали. Из их носов вылетали очень красивые разноцветные бабочки.

Когда бабочки кончились, доктор вытер лысину платком и спросил:

– А бабочки-то как у вас в носах очутились?

– Это всё он, он! – закричали дети. – Такой меховой, маленький, с бородой и в красной шапочке. То в мяч превратится, то в котёнка. На красном автомобиле приехал. Гномик, в общем!

– Но ведь гномиков не бывает! – сказал доктор Пяткин.

– Ещё как бывают! – закричали дети. – Да вот он, вот он!

На дороге сидел маленький и толстый щенок с висячими ушками.

– Какой же это гномик? – удивился доктор. – Это щенок.

– Он только притворяется щенком. А сам сейчас ка-ак превратит нас опять...

Доктор Пяткин взял щенка под пузико и внимательно рассмотрел. Щенок тявкнул и лизнул доктора в щёку.

– Наверное, он есть хочет, – догадался толстый мальчик.

– Надо было его сразу накормить, когда он в котёнка превратился, – сказала девочка с бантиками.

– Давайте же скорее его кормить! – крикнул мальчик в веснушках. – Я ему свой суп отдам.

– А я – компот!

– А я положу его спать к себе на подушку!

Дети схватили щенка и потащили в дом.

«Удивительно! – подумал доктор Пяткин. – Без всякого лечения за несколько дней примерные дети стали самыми настоящими выдумщиками!»

И правда, с тех пор дети перестали ябедничать, полюбили котят и щенков и верят в гномов.

А гномик уехал на красном автомобильчике обратно в лес, спрятался в тёплый мох и спит, пока не придёт время снова появляться, если кому-нибудь понадобится.

А щенок был настоящий щенок, а не гном. Щенок давно вырос и стал здоровенным барбосом.

День рождения Дерева

* * *

Приятно поутру встретить добрую умную собаку с тёплыми ушами. Вот Тёме сегодня повезло. Идёт через двор, а навстречу – собака. Уши тёплые-тёплые. Тёма специально потрогал. И она ему ничего не сказала. Посмотрела своими умными глазами с пониманием и пошла, мохнатая, дальше. И Тёма тоже дальше пошёл. Вдруг слышит, кто-то вздыхает. Сначала один раз, а потом и второй. Так печально и тихо: «Ах ты, боже мой, ах ты, ох-ох-ох...» Тёма оглянулся. Вокруг никого не было. Только старое чёрное Дерево росло себе и росло.

– Дерево, – спросил Тёма строго, – это ты тут охаешь?

– Я, детка, – ответило Дерево и опять вздохнуло.

– Что же ты вздыхаешь? – удивился Тёма. – Или тебе не нравится жить в нашем чудесном городе, где столько всего интересного?

– Очень нравится, детка, – ответило Дерево. – А вздыхаю я потому, что у меня сегодня день рождения.

– Вот это да! – удивился Тёма. – А я и не знал, что у деревьев бывают дни рождения.

– Сегодня мне исполняется двести тридцать два года, – грустно сказала Дерево и вздохнуло ещё раз.

Тёма даже отошёл подальше и запрокинул голову, чтобы оглядеть Дерево со всех сторон.

– Значит, ты старше меня на двести двадцать пять лет, – сосчитал он. – Пожалуй, я буду называть вас на «вы». Вы как мой прапрапрадедушка.

– Да, – вздохнуло Дерево. – Я было совсем маленьким ростком, когда в этом городе и вообще на всём белом свете не было ещё ни жвачки, ни электричества.

– Что же вы вздыхаете, если у вас день рождения?! – воскликнул Тёма. – Вам, наверное, надарили кучу подарков! А какие подарки дарят деревьям?

– Никто мне ничего не подарил. Никто не знает, что у меня день рождения.

– Давайте я вам что-нибудь подарю! – предложил Тёма. – Хотите толстый зелёный фломастер? Или апельсин? Или...

– Скажи, детка, а хорошо ли ты учишься? – спросило Дерево.

– Хорошо, хорошо! – похвастался Тёма. – У меня только по пению четвёрка, потому что я громче всех пою. А остальные пятёрки, все до одной.

– Значит, ты не безобразник? – догадалось Дерево.

– Нет, что вы! Я – командир всех пускателей бумажных корабликов.

– Какая неприятность, – сказала Дерево и вздохнуло совсем грустно. – Куда же подевались настоящие безобразники? Или хотя бы просто озорники? Раньше их было хоть пруд пруди. А теперь – кот наплакал. Ах, какие раньше были замечательные безобразники и озорники. Они всё залезали на меня и сидели на моих ветках. Это было так здорово, так приятно. А одна девочка даже построила дом во-он там, наверху, между теми ветками. Это была самая большая безобразница. Когда её ругали дома, она прибежала, вскарабкивалась на мои ветки и пряталась. А потом её родители стояли внизу и упрашивали спуститься. И тогда она кидала в них шишками. А потом девочка выросла и забыла меня.

– Какими шишками? – удивился Тёма. – Разве же вы ёлка?

– Я? – задумалось Дерево. – Нет, я не ёлка. Значит, она кидала в них желудями.

– Но вы совсем не похожи на дуб! – воскликнул Тёма.

– Да, пожалуй, – согласилось Дерево. – Знаешь, детка, я так давно живу на свете, что даже не помню, дуб я, или тополь, или ещё кто-нибудь. Но это не важно. Главное, что я очень скучаю без озорников. Вот если бы кто-нибудь сидел на моих ветках и болтал ногами – я бы так обрадовалось, так обрадовалось.

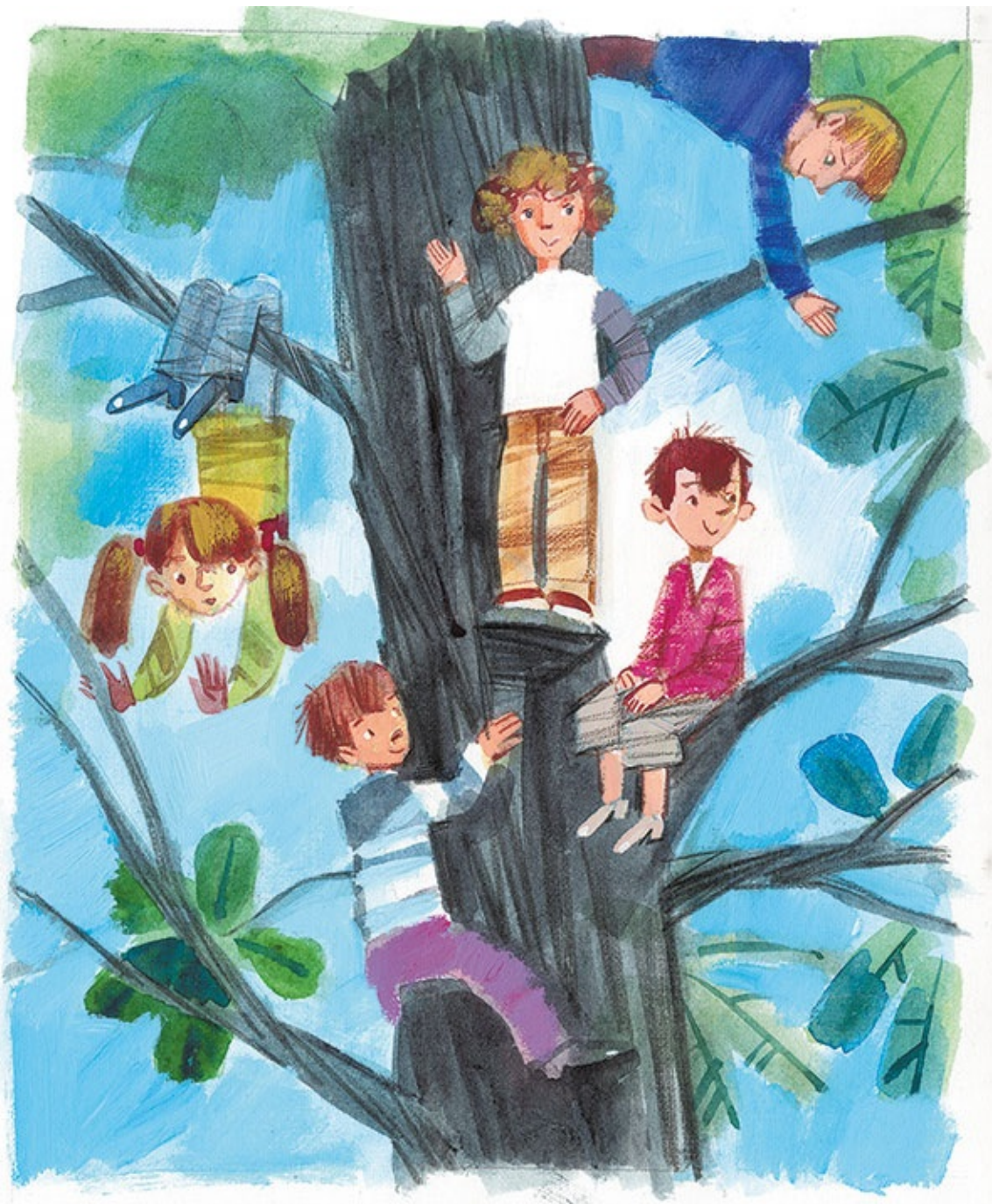

Тёма подпрыгнул, чтобы ухватиться за самую низкую ветку, но так и не дотянулся.

– Ладно, не грустите, – сказал Тёма. – Стойте и ждите. А я что-нибудь придумаю.

Тёма побежал в школу. Пока он разговаривал с Деревом, уже давно начался урок. И Тёма опоздал. А учительница Лизавета Андреевна была

очень строгая. Она была до того строгая, что её боялись не только ученики, но и всякие вещи. То доска перепугается и спрячется, то сумка исчезнет. Тёма прибежал в класс, а Лизаветы Андреевны ещё не было. Она сама опоздала. Ждала трамвай на остановке, и, когда трамвай приехал, она так строго на него посмотрела, что трамвай испугался, попятился и уехал задним ходом. А строгой Лизавете Андреевне пришлось идти в школу пешком.

Тёма первым делом спросил у главного двоечника Чмокина:

– Чмокин! Можешь на одно дерево залезть?

Чмокин говорит:

– Я куда хочешь залезть могу, но не могу никуда лезть – я слово дал, честное благородное слово, вести себя прилично.

Маня Симпатыгина сказала:

– Тёма, если тебе очень надо, то я могу на дерево залезть.

Гоша Нямский как захохочет:

– Ты? На дерево? Ты же староста! Видали – староста на дереве!

Маня обиделась:

– Ну и что, что я староста! Зато я на велосипеде ездить умею, стоя и без рук.

Тогда Глаша Стекляшкина спросила:

– А зачем тебе на дерево? У тебя там что-нибудь случайно застряло?

– Да нет! – сказал Тёма. – Просто у этого Дерева сегодня день рождения. Ему исполняется двести тридцать два года. А его ещё никто не поздравил. И ничего ему не подарил. Поэтому надо скорее залезть и сидеть на его ветках – потому что больше всего на свете это Дерево любит, когда всякие безобразники сидят у него на ветках и болтают ногами.

– Что же ты раньше сразу не сказал? – воскликнула Стекляшкина, и все побежали залезать на Дерево.

И залезли. Все! Вдвадцатером. Сидят и ногами болтают.

– До чего же хорошо, до чего же здорово! – говорило Дерево. – Вот теперь я чувствую, что у меня сегодня настоящий праздник.

Ветки у Дерева были такие толстые, сильные и надёжные, что на них можно было сидеть, как на скамейке, и видеть небо, которое оказалось совсем близко.

Но в это время мимо проходил директор школы Джон Николаевич. Он сегодня тоже опаздывал в школу. Но не потому, что от него уехал трамвай. А потому, что у него потерялся дедушка. Это случилось давно, когда Джон Николаевич был маленьким. Дедушка ушёл за бубликами и куда-то с тех пор запропастился.

А сегодня утром от дедушки пришло письмо. Дедушка писал, что у него всё хорошо и что он стал наконец королём на одном острове в Тихом океане. Джон Николаевич так обрадовался, что даже не поверил. Он решил, что это он спит и ему всё снится во сне. Поэтому он попросил соседей, чтобы они его ущипнули. Но они ущипнули его слишком сильно, и пришлось даже вызывать доктора.

Поэтому директор школы Джон Николаевич сегодня немножко опаздывал на работу и теперь шёл дворами, чтобы покороче. Вдруг видит – на большом чёрном Дереве много всего пёстрого торчит. Пригляделся получше, сощурился повнимательнее, очки протёр – да это же целый класс на ветках расселся и ногами болтает.

Джон Николаевич удивился:

– Дети! Вы почему на Дереве, а не на уроке?

– А мы это Дерево с днем рождения поздравляем.

Джон Николаевич хотел было тоже на Дерево залезть, подпрыгнул, но не дотянулся. Тогда он пошёл в школу. И видит, Лизвета Андреевна стоит посреди пустого класса.

Джон Николаевич ей говорит:

– Не беспокойтесь, всё в порядке, ваши дети на Дереве. Во-он там, во дворе.

Лизвета Андреевна сделала самые строгие глаза и пошла к Дереву. Тёма и его друзья сверху увидели Лизвету Андреевну и думают: «Ну всё. Караул». А она уже совсем близко! И тут Дерево протянуло свою чёрную ветку, погладило её по голове и сказало:

– Это ты, Лизвета?

Она говорит:

– Да, Дерево, это я.

– Чего же ты так давно не приходила? – спросило Дерево. – Неужели ты забыла меня?

– Нет, нет, я тебя совсем не забыла, – ответила она. – Просто дел как-то много. Даже некогда на Дереве посидеть. Но я тебя помню, ты не думай. Ты всё равно моё самое любимое Дерево.

– Я тебя тоже всё время помню, – сказало Дерево. – Ты самая настоящая безобразница из всех безобразников. Ты так здорово кидалась шишками... Или каштанами?..

Лизвета Андреевна так ловко подпрыгнула, что сразу оказалась высоко на ветке старого Дереву и прислонилась к стволу. А ствол был такой широкий, что, даже если бы Лизвета Андреевна, Джон Николаевич, и Тёма, и Глаша взяли за руки, их рук всё равно не хватило бы, чтобы обнять старое Дерево.

Дерево было так счастливо. Теперь у него был настоящий день рождения.

Ананасовая история

* * *

Однажды Тёма и Мотя шли по улице и встретили ананас. Ананас быстро катился по дорожке. Тёма и Мотя сели на корточки и поймали его. Ананас был не большой и не маленький.

– Видно, тут проезжала машина, полная ананасов, – догадался Тёма. – И один ананас потерялся.

– Отнесём его к тебе домой, – решила Мотя.

Дома был Тёмин папа.

– Замечательный ананас! – обрадовался он. – Вот завтра к нам в гости придут Вася и его папа Андрей Владимирович, и мы все вместе его съедим. А пока положи-ка его в холодильник.

Они положили ананас в холодильник и сели играть в ЕСЛИМЫСЛИПОСЛЕ. (Отличная игра! Про неё – когда-нибудь в следующий раз.)

Вдруг послышался стук.

– Входите, входите, – сказал Тёмин папа. – У нас не заперто.

Но никто не вошёл, а стук послышался снова.

– А! – догадался Тёма. – Это, наверное, наш сосед наконец нарисовал портрет своей морской свинки и теперь вбивает гвоздик, чтобы повесить его на стену.

Застучали сильнее и чаще.

– Это, по-моему, в ванной, – сказала Мотя.

– Надо пойти посмотреть, – предложил Тёма, и втроём они вышли в коридор.

Стучали совсем близко.

– Это в холодильнике! – прошептала Мотя, и глаза у неё стали круглые.

Тёмин папа подошёл к холодильнику, прислушался и распахнул дверцу.

В холодильнике всё было в порядке. Ананас лежал на нижней полке. Больше никто не стучал.

– Странно, – сказал Тёмин папа и закрыл дверцу.

И все снова сели играть.

Тут опять застучало. Все переглянулись.

Папа вскочил, подбежал к холодильнику и распахнул дверцу.

Стук прекратился. Ананас лежал на нижней полке. Рядом с ананасом натекла лужица молока. Это на верхней полке пакет перевернулся.

Папа вытащил пакет и оглядел со всех сторон.

– Удивительно, – сказал он, промокнул молоко тряпочкой и закрыл дверцу.

И все снова сели играть в ЕСЛИМЫСЛИПОСЛЕ.

И тут опять послышался стук.

Папа хлопнул себя по лбу.

– И как я сразу не сообразил! – воскликнул он. – Это же знаменитый ансамбль «Ого!» репетирует на чердаке!

– А молоко? – спросила Мотя шёпотом.

Папа перестал смеяться и вскочил.

– Сидите в комнате, – велел он, а сам подкрался к холодильнику на цыпочках и храбро распахнул дверцу.

Пакет молока опять был перевернут.

Папа вытащил ананас и посмотрел на него очень внимательно.

А потом даже наклонился и прислушался.

– Видно, скоро гроза будет или погода меняется, – сказал он. – Что-то мне всё мерещится. У меня, наверное, голова болит. Мне кажется, что ананас фыркает.

Тёма и Мотя прибежали в коридор и стали прислушиваться, наклонившись над ананасом.

– Фыркает, – сказала Мотя.

– Ещё как фырчит, – сказал Тёма.

– Это он хочет, чтобы мы его поскорее съели, – объяснила Мотя. – Ему скучно там, в холодильнике.

– Точно! – согласился Тёма.
И папа взял в руки длинный острый нож.
Ананас положили на стол.
– Я не ананас! – закричал вдруг ананас. – Я ёжик!
И прямо тут же на столе превратился в ёжика.
– Ну и холодрыга у вас в холодильнике, – сказал он.
– Дети, хватит шалить, – сказал Тёмин папа. – Ну кто вам разрешил тащить в дом ежа, да ещё заколдованного?
– Мы думали, он ананас, – сказал Тёма. – Мы не виноваты.

– Не виноваты, не виноваты, – сказал ёжик. – Это я нарочно в ананас превратился. Бежал по улице, бежал, вдруг вижу, дети идут. Вот, думаю, превращусь-ка поскорее в ананас, а то они увидят ёжика и начнут руками хватать, в какую-нибудь старую шляпу заворачивать, ещё в живой уголок потащат. Терпеть не могу в живом уголке! Молоко пить заставляют...
– Разве ёжики не любят молоко? – удивилась Мотя.
– Мы зефир в шоколаде любим, – вздохнул он. – Ну, там, клубничный кисель еще... Солёные огурцы...
– Этого у нас нет, – огорчилась Мотя.
А Тёма угостил ёжика мармеладом.
Ёжик мигом съел мармеладину и облизнул свой круглый нос.
– Как же ты здесь оказался? – спросил Тёмин папа. – Ведь ёжики живут в лесах.
– Да я так как-то... – застеснялся ёжик. – Это самое...

Потом он посмотрел на папу, Мотю и Тёму и сказал:

– Только никому не говорите. Я убежал из живого уголка. Не могу я в этом уголке... Там тесно и скучно. А по соседству ещё эти кролики. Выпьют вина из одуванчиков и кричат, ругаются, топают. В общем, настоящие кролики... А я так соскучился по чистой траве.

Папа, Мотя и Тёма вынесли ёжика на улицу и осторожно положили на газон. Чтобы никто не заметил и не утащил его в живой уголок.

– Пойду во Свояси, – сказал ёжик.

– А это где? – удивился Тёма.

– Свояси, – мечтательно вздохнул ёжик. – Это там, за шестью полями и тремя речками. Там живёт мой мохнатый друг Кот Барбосный – лежит на крыльце и толстеет. По утрам во Своясях бывает густой туман, и его можно есть сколько хочешь. Одни говорят, что он похож на кисель, а другие – что на шоколадный крем. На самом-то деле это ежевичный зефир. Ах, Свояси – это родина всех настоящих ёжиков. До встречи во Своясях. Пока! – шепнул ёжик и побежал по газону.

А никто и не заметил ёжика. Все шли по своим делам. Никто даже и догадаться не мог, что бежит по тротуару и мостовым ёжик, чтобы скорее попасть в лес, где чистая молодая трава.

Только милиционер Шоколадкин посмотрел на ёжика очень внимательно. На то он и милиционер, чтобы на всех внимательно смотреть. Ёжик тогда как раз дорогу перебежал. Почувствовал, что на него милиционер смотрит, и на всякий случай снова ананасом прикинулся. А лапки не успел убрать.

«Грипп у меня, что ли? – подумал милиционер Шоколадкин. – Какие-то ананасы с лапками мерещатся».

Милиционер Шоколадкин стал щупать свой лоб и так задумался, что включил зелёный свет и долго не переключал. А когда переключил, то пожарной машине пришлось остановиться. Но ничего страшного не случилось, потому что пожарные спешили не на пожар, а в Старый Парк – танцевать, пить сидро и кататься на каруселях.

Кот Барбосный

* * *

У эрделихи Дуни было много внуков – маленьких эрделят.

А один внук был даже спаниель-кокерёнок. Рыжий такой. Звали его Чем-Чем. У этого Чем-Чема был двоюродный прадедуська Кот Барбосный. Он так давно жил на свете, что никто уже не помнил, кто же он всё-таки на самом деле – кот или барбос. С виду он был довольно кошачий. Только очень большой и с висячими ушами. И с бородой, как у барбоса. К тому же он никогда не мяукал, а только тихо урчал или чихал. Он и сам уже забыл, кот он или барбос. Все привыкли, что он просто такой вот специальный, совершенно Барбосный Кот.

Целыми днями Кот Барбосный лежал на крыльце, пил чай и слушал радио. Он очень любил слушать радио. Но ему было плохо слышно. Во-первых, потому что он был уже старый. А во-вторых... Нет, надо всё по порядку.

Однажды к ступенькам крыльца подошёл лесник Алексей Юрьевич в форме с золотыми пуговицами. Он присел на корточки, достал из сумки большую тетрадь и спросил:

– Скажите, пожалуйста, кто вы всё-таки на самом деле – кот или барбос? Я переписываю население окрестностей, и мне надо вас как-то записать.

Кот Барбосный, конечно, ничего не расслышал. Он решил, что Алексей Юрьевич хочет записать его воспоминания о молодости. И он сказал:

– Однажды, лет сто или двести назад, позапрошлой осенью, из-под сарая...

– Нет, нет, нет, – построже сказал Алексей Юрьевич. – Вы мне лучше скажите, барбос вы или кот? Некрасиво в наше время не быть ни котом, ни барбосом и при этом быть и барбосом, и котом.

В это время ухо Кота Барбосного приподнялось, и оттуда выглянул лягушонок.

– Послушайте! – сердито сказал он. – Что вы кричите? У нас одна бабочка даже обратно в гусеницу превратилась!

И скорее спрятался обратно. Алексей Юрьевич так удивился, что даже замолчал. А потом сказал:

– Безобразие! Зачем вы напустили полные уши лягушат? А ещё дедушка... Стыдно!

И ушёл.

А Кот Барбосный так и остался лежать на крыльце, урчать, чихать и слушать радио, которое ему не было слышно, и вспоминать детство, когда он был котёнком или, может быть, щенком.

И тут прибегает двоюродный правнук рыжий Чем-Чем и говорит:

– Дедушка, мне надо тебе что-то ужасно важное сказать. Я очень люблю одну маленькую кошачью девочку. Я её так люблю, что сегодня укусил её за хвост, а она залезла на дерево и не может слезть обратно.

Кот Барбосный сказал:

– Дорогой рыжик, ты опять забыл, что я ничего не слышу, потому что в моих просторных, мохнатых и тёплых ушах прячутся от холода бабочки и маленькие лягушата. Все они там шуршат и квакают. Но выгнать их я не могу – ведь на ветру они замёрзнут.

Чем-Чем задумался. Ему очень хотелось рассказать прадедушке о кошачьей девочке. Чем-Чем думал, думал и придумал.

– Дедушка! – сказал он. – Ты не должен слушать ушами, если уши заняты. Ты должен слушать чем-нибудь другим. Носом, например. Вот послушай...

Чем-Чем подошёл поближе к дедушкиному носу и сказал опять:

– Дедушка, я так сильно люблю маленькую кошачью девочку, что сегодня укусил её за хвост...

– Чудак! – сказал Кот Барбосный. – Лучше бы ты подарил ей конфету... Как хорошо слышно! – удивился Кот Барбосный. – Теперь

всегда буду слушать только носом.

– Конфету я и сам съесть могу, – сказал Чем-Чем. – Но у меня есть ненужный цветок, – и он достал цветок из-за ошейника. – Вот понюхай, пожалуйста.

– Чем же я буду нюхать? – задумался Кот Барбосный. – Ведь носом я слушаю. Если носом ещё и нюхать, он устанет и заболит.

– А вот нюхать ты будешь ушами! – догадался Чем-Чем. – Ну-ка попробуй, – и поднёс цветок прямо к мохнатому дедушкиному уху.

– Чудесно пахнет этот цветок! – сказал дедушка. – Когда нюхаешь ушами, всё пахнет гораздо приятнее. Какой же ты у меня умный, Чем-Чем. Ты только вот что запомни – когда ты кого-нибудь любишь, то не надо его кусать. А то этот кто-то не поймёт, что ты его любишь. Лучше тому, кого любишь, дарить что-нибудь. Только не ненужное, а вкусное или красивое.

И Чем-Чем убежал дарить кошачьей девочке цветок.

А дедушка Кот Барбосный остался лежать на своём крыльце и слушать радио. Теперь было очень здорово слышно. Там как раз началась передача «Хорошие новости». Сообщали, что известный звездочёт Наташа Ресничкина увидела в свои наблюдательные бинокли полосатую кошку. Она летела по небу, рулила хвостом, у которого был совершенно чёрный кончик, и держала усы по ветру. Звездочёт Наташа Ресничкина очень обрадовалась, потому что летучие кошки всегда появляются к снежной зиме и чудесному Новому году.

Старый Автомобиль

* * *

У меня есть друг. Он живёт недалеко от помойки, как раз напротив телефонной будки без телефона. Целыми днями он охает или просто тихо грустит. И я совсем не знаю, как его развеселить. Ведь он не пьёт лимонад, не катается на каруселях, не ходит в цирк. Потому что мой друг – Старый Автомобиль без стёкол и фонарей. Раньше он был таким красивым, что все на улицах останавливались и смотрели ему вслед. На его мягких кожаных сиденьях ездили волшебники и принцессы. А теперь у него внутри бездомные кошки и голуби прячутся от дождя.

Я часто навещаю Старый Автомобиль.

– Здравствуйте, – говорю я и кланяюсь (ведь Старый Автомобиль обожает вежливое обращение). – Как поживаете? Не болит ли у вас что?

– Ах, голубушка, – вздыхая, отвечает Старый Автомобиль. – Всё у меня болит, и я так плохо поживаю, как ещё ни один Старый Автомобиль не поживал.

– Не грустите, пожалуйста, – говорю тогда я. – Лучше расскажите мне какую-нибудь историю. Вы так много помните всего интересного.

И Старый Автомобиль рассказывает мне всякие истории.

Однажды он стал рассказывать мне вот что:

– Давным-давно в один чудесный город на белом пароходе прямо из Америки приехал я. Было раннее-раннее утро. На набережной меня видели

только цветочницы и трубочисты. Они очень обрадовались и махали мне руками. А потом меня спрятали в специальную карету, запряжённую двенадцатью лошадьми, и повезли во дворец. Ведь из Америки меня привезли не для кого-нибудь, а для самой принцессы.

Принцесса была весёлая. Она любила показывать фокусы и мечтала выступать в цирке. Но папа-король сказал:

– Хватит фокусничать, доченька. Надо замуж выходить. – И нашёл принцессе жениха. Очень воспитанного.

Жених собирал фантики. Собак боялся. И кошек тоже. Нос у жениха был ужасно длинный, и в этом носу всегда водился насморк. К тому же жених не выговаривал все буквы, кроме «г», «ы» и «у». Например, он хотел сказать «дорогая принцесса», а выходило у него «ыгыугы гыуг». Зато он был богатый-пребогатый. Даже горшок у него был из чистого золота.

Когда принцесса увидела своего жениха, она немножко грустила. А потом сказала королю вредным голосом:

– Да, папычка-папычка, ты вот мне, чур, подари настоящий автомобиль, а я тебе за это тогда замуж выйду.

И для принцессы прямо из Америки привезли меня. Когда принцесса меня увидела, она только ахнула, а потом подпрыгнула, обняла короля и немножко повисела у него на шее, болтая ногами. А потом сказала опять вредным голосом:

– Да, папычка-папычка! А может, у него мотор неправильный? Ну-ка, я сначала попробую!

Села, и мы помчались. Все останавливались и смотрели на нас. Ещё бы! По улицам мчался я, такой новенький, белый, блестящий, а за рулём – настоящая принцесса, весёлая и совсем не воображала. Мы подъехали к цирку, и принцесса свистнула в два пальца:

– Эй! Клоуны, фокусники, акробаты! Я из дому убежала! Айда со мной бродить по свету!

И весь цирковой весёлый народ с собачками и мартышками уместился на моих сиденьях. Мы путешествовали по свету. Тогда в каждом городе было море... А теперь?! Теперь море осталось только в некоторых городах, и все они далеко отсюда... Моя принцесса выучилась танцевать на проволоке и стала знаменитой. Папа-король прислал ей письмо: «Дорогая доченька! Теперь меня все знают и говорят: «Это тот самый король, у которого дочка на проволоке танцует». Из всех наших родственников ты одна прославилась. А остальные только и умеют, что на тронах сидеть да ушами хлопать...» Так мы весело и чудесно жили с принцессой и цирковыми. Но в один прекрасный день...

Но Старый Автомобиль не успел рассказать мне эту историю до конца. Во двор вошёл дяденька с портфелем и спросил строго:

– А это что ещё за драндулет? Немедленно на свалку ржавых железяк! Сейчас придёт грузовик и увезёт...

Я ужасно испугалась. Ведь от таких обидных слов Старый Автомобиль мог тут же развалиться на части. И всё. И никто бы не рассказывал мне интересных историй, и бедным кошкам негде было бы спрятаться от дождя. Поэтому я сказала:

– Не надо обзывать. Это никакой не драндулет, а Старый Автомобиль, который знает много чудесных историй. И рассказывает их тем, кто с ним вежливо обращается.

Дяденька даже ничего ответить не успел, а Старый Автомобиль его вежливо так спрашивает:

– Извините, а ваша фамилия случайно не Грелкин?

Дяденька портфель выронил. Потом покашлял и говорит:

– Допустим, Грелкин. А ты... а вы... ммм... откуда знаете?

– Очень уж вы похожи на своего прадедушку, доктора Грелкина, – объяснил Старый Автомобиль. – Только у него голос добрее был.

– А вы моего прадедушку знали? – Дяденька весь просто просиял.

– Конечно, – сказал Старый Автомобиль. – Давным-давно я служил у одного задумчивого поэта. Однажды в дождливую ночь мы встретили на дороге старичка с чемоданчиком. Это и был доктор Грелкин. Он спешил к больному мальчику. И тогда мой задумчивый поэт решил, что доктору я гораздо нужнее. И подарил меня доктору Грелкину прямо сразу. Чтобы он всегда успевал к больным мальчикам и девочкам. Вашего прадедушку я очень хорошо помню.

– Ну вот. – Дяденька почесал в затылке. – А я не умею никого лечить и работаю начальником. Слежу за порядком и чистотой в городе. Ну а теперь-то я вижу, что вы никакой не драндулет, а необыкновенный Старый Автомобиль. Хотите, я устрою вас в музей? Будете жить в тепле, никакая зима не страшна. А все будут ходить и любоваться вами.

Старый Автомобиль подумал и сказал:

– Нет. Я лучше останусь здесь. Ведь я – дом бедных ничьих кошек

и озябших голубей.

И Старый Автомобиль остался во дворе. И правнук доктора Грелкина прислал ему в подарок огромный непромокаемый платок с цветами и птицами. Когда начинается дождь, кто-нибудь укутывает Старый Автомобиль этим платком, и он дремлет. Ему снятся принцессы, разбойники и погони.

Важная главность

* * *

Жила-была принцесса по фамилии Картошкина. Ведь и у принцесс бывают фамилии. А звали её Катя.

Однажды принцесса и её папа-царь переехали на новую квартиру. И принцесса пошла в новую школу. А сменную обувь забыла. Учительница увидела, что она прямо в сапожках в класс пришла, и говорит:

– А голову ты дома не забыла? Бестолковая!

«Ух ты, злющая какая!» – подумала принцесса и уселась подальше, на самую последнюю парту.

Никто и не догадался, что она принцесса. Потому что на фотографиях в газетах она непохоже получалась. А важничать она не любила и никому не говорила, что она царская дочка. Сидит принцесса на последней парте. А учительница всё ругается:

– Кто «лыжи» через два «ы» написал? Репкин?! Безмозглый! Кто там шуршит? Не шуршать!

И журналом изо всех сил по столу – ба-бах. Одна маленькая девочка даже заплакала с перепугу.

«Да, – думает принцесса. – Ничего себе...»

За ужином из гречневой каши и винегрета папа-царь спрашивает:

– Ну как, доченька, в новой школе?

Принцесса ему всё про учительницу рассказала. Царь загрустил, а потом говорит:

– Ладно, что-нибудь придумаем.

Утром на уроке математики учительница вдруг ка-ак закричит:

– Барбосов! Что у тебя во рту? Конфета? Ах, негодный, паршивый мальчишка! Вон из класса!

И тут самая маленькая девочка встаёт и говорит:

– Дорогая учительница, вы что, сегодня газет не читали?

И газету показывает. А там написано:

Приказ очень важной главности
(для сердитых учителей).

Кто так обзывается,
тот сам так называется!

И подпись: ЦАРЬ.

– Значит, я теперь называюсь «бестолковая», «безмозглая», «негодная» и «паршивая»? – растерялась учительница.

Ей стало очень обидно. До того обидно, что она ушла из школы и сделалась капитаном дальнего плавания. И уплыла далеко-далеко.

А в школу пришёл новый учитель – весёлый, добрый и рыжий. Все стали прилежно учиться и радоваться, что царь такой умный и хороший.

А Катя Картошкина всё равно никому не сказала, что царь – её папа и что она принцесса. Так ведь интереснее!

Грустный Троллейбус

* * *

Принцесса Катя Картошкина встретила в переулке Троллейбус. У него было ужасно грустное лицо.

– Троллейбус, – тихо спросила Катя, – ты чего такой грустный?

– Устал я, – сказал Троллейбус человеческим, но очень толстым голосом. – Целый день вози всех, вози. А они набьются вовнутрь, пихаются, ногами по дверям стучат. И ругаются ещё, что я медленный.

– А я-то думала, что троллейбусы – железные машины и ничего не чувствуют, – удивилась Катя.

– Мы не машины, нет, – сказал Троллейбус. – Мы дальние родственники слонов и бегемотов. Нам тесно в городе. Мы должны пастись на лугу у реки...

Принцесса Катя Картошкина погладила Троллейбус, и он сказал:

– А ты совсем не воображала, хоть и принцесса.

– Откуда ты знаешь, что я принцесса?

– Фотографии в газете видел.

– Я на фотографиях непохоже выхожу, – сказала Катя. – А корону на улицу не надеваю, а то она у меня с головы сваливается. Ты не грусти,

пожалуйста. – И Катя ещё раз погладила Троллейбус на прощание.

– Надо что-то делать, папочка, – сказала Катя вечером царю. – Нельзя же бедные троллейбусы мучить.

– Что-нибудь придумаем, – ответил царь.

Утром Катя Картошкина проснулась от велосипедных звонков. По городу носились велосипеды.

Старушки ездили на больших трёхколесных, со специальными корзинками для собачонок.

Мальчишки носились на гоночных. Тётеньки на очень красивых, разноцветных, с фонариками. Дяденьки – на больших чёрных с телевизорами и антеннами.

А троллейбусы вереницей ушли из города и стали жить на лугу у реки. Они грелись на солнце и слушали, как поют птицы. Всякие лесные звери прятались в троллейбусах от дождя.

Троллейбусы решили, что скоро опять придут в город. Но не чтобы всех возить, а просто так, в гости.

Крайний случай

* * *

Жил-был мальчик Дмитрий Игоревич. Это потому, что его звали Митя, а его папу – дядя Игорь.

Однажды Митя и его папа пошли на речку смотреть корабли. Идут, а навстречу – собака. Здоровенная! Пятнистая, с длинными ушами и бородой.

– Здорово похожа на пойнера, – сказал Митя.

– Просто вылитый эрдель, – заметил папа.

Собака остановилась и стала на них смотреть.

– Сейчас кусаться будет, – решил Митя.

– Вот ещё, – сказала собака. – Других дел, что ли, у меня нет?

Митя и папа тоже остановились. От удивления.

– Извините, пожалуйста, – сказал Митя воспитанным голосом. – Разве собаки умеют разговаривать?

– Обязательно, – грустно сказала собака. – Но только в самом крайнем случае.

– А у вас что, уже крайний случай?

– Да, – сказала собака совсем грустно. – Я ищу своего человека. Скажите, пожалуйста, здесь случайно не пробежал мой человек?

– А он какой из себя?

– О! – сказала собака и улыбнулась. – Мой человек – он такой

красивый! Кудрявый и с длинным носом. В его доме полно уютных углов, в которых можно подремать. На ужин мой человек ест огромные котлеты. А ещё у него очень удобные колени, куда всегда можно уткнуться мордой. Он играет на гитаре и поёт задумчивым голосом.

– Да это же просто вылитая Дарья Павловна! – воскликнул Митя, и все втроём они побежали к ней.

Уже издалека слышалось, как Дарья Павловна играет на гитаре и поёт задумчивым голосом песню про далёкую звезду.

– Здравствуйте, Дарья Павловна! – погромче закричал Митя. – Тут пришла одна симпатичная собака и говорит, что вы её человек.

Дарья Павловна выглянула в окошко.

– Ах, какой прелестный барбосик, – сказала она.

– Ну что? – спросил папа собаку. – Она твой человек?

– Ага! – сказала собака радостно.

Дарья Павловна упала в обморок. Потому что она не знала, что собаки умеют разговаривать в самом крайнем случае. Но Дарья Павловна тут же очнулась и опять высунулась в окошко.

– Мы сразу догадались, что это вы! – обрадовался Митя. – Потому что вы такая красивая, с длинным носом и на гитаре игра...

– Что-о-о-о-о-о-о?! – Дарья Павловна схватилась за сердце, а потом за свой нос. – Ах, негодный мальчишка, противный папа, гадкий пёс! Это у меня нос длинный?! Да у меня нос всего сто тридцать миллиметров с половиной!

Она так сердито кричала, что чуть не вывалилась из окна. А Митя, папа и собака убежали.

– Да, – сказал папа. – Наверное, она не твой человек. Она же котлет совсем не ест.

– Георгий Иванович ест котлеты! – подскочил Митя. – Бежим!

– Нет, – вздохнула собака. – И Георгий Иванович не мой человек. Честно говоря, у меня вообще нет своего человека. И не было никогда. Но одна моя знакомая полусиамская кошка говорит, что у каждой собаки или кошки должен быть хоть один родной человек на земле. К тому же вчера ночью шёл дождь. Он шёл-шёл-шёл-шёл-шёл-шёл и не заметил, что я на траве сплю. И пошёл прямо по мне. Я ему: «Чего брызгаешься?» А он: «Дома надо сидеть, когда я иду». Я говорю: «Ага, дома... а если у меня и дома-то нету?» А дождь говорит: «Ищи себе дом. Устраивайся в хорошие руки. Каждый барбос – кузнец своего счастья». И вот я пошла искать себе дом и устраиваться в хорошие руки. Да что-то не везёт...

Митя и папа смотрели на собаку.

— Весёлого мало, — сказал папа.

— Мы бы тебя взяли, — сказал Митя. — Да нам никакая мама не разрешит. У нас и так уже целых два морских поросёнка. Сыновья морской свинки.

— Что ж, — вздохнула собака, — видно, быть мне всю жизнь бродягой...

А дело было в воскресенье. В воскресенье многие мамы любят ходить в гости или куда-нибудь по делам. У них такие особые, мамские дела, которые только по воскресеньям делаются. В общем, мамы по воскресеньям часто куда-то деваются. Поэтому в воскресенья повсюду бродят беспризорные папы с детьми. И мама Мити тоже утром уехала по делам. А теперь вернулась. Митя и папа видят – мама на своём мотоцикле мчится. Затормозила так лихо, поднялась на одно колесо, опустилась, остановилась и говорит:

– А это что ещё за чудовище?

– Это собака, – сказал Митя. – Ей жить негде. Правда, на пойнтера похожа?

– По-моему, её прадедущка – эрдель, – сказал папа.

– Обыкновенная бородатая дворняга крупных размеров, – решила мама.

Собака повернулась и пошла прочь такой несчастной походкой, что было сразу видно – это идет дворняга, бедняга, бродяга и бедолага.

– Нет! – нахмурилась вдруг мама. – Всё неправильно. Нельзя, чтобы собака уходила такой несчастной походкой. Иди, собака, сюда. Оставайся. Будешь наша.

– У нас в доме полно углов, где можно дремать! – обрадовался Митя.

– А у меня как раз есть отличное старое пальто! – Папа тоже обрадовался. – Подходящее пальто фабрики «Красный Молодец».

– Да зачем ей пальто? – удивился Митя.

– А она на нём спать будет.

А собака говорит:

– А руки-то у вас хорошие? Я только в хорошие руки хочу...

Папа, мама и Митя протянули ей свои руки. Она ткнулась носом в их ладони и вдруг стала красивая-прекрасивая. Это она от счастья похорошела. Ведь теперь у неё было целых три своих человека и два морских поросёнка.

Только больше собака никогда не разговаривала. Крайний случай-то кончился!

Ерунда на постном масле

* * *

В деревне Толстокошкино (это недалеко от села Большие Барбосы) жила девочка Мотя. Она была очень хорошая. Никогда не ябедничала, не жадничала и не вредничала. И за такую хорошенькость папа повёз её в Москву, в настоящий театр.

Идёт Мотя по Москве, по сторонам глазееет. Вдруг видит – большой забор. А на заборе вот такими огромными толстыми буквами написано: «Все мальчишки – дураки».

«Вот это да! – подумала Мотя. – Ничего себе! Неужели так вот прямо все до одного – дураки? И Данила? И Вася? Нет, Вася точно не дурак, сам стихи сочиняет. И Данила тоже – слова знает английские. Нет, не может быть, чтобы все – дураки. Но ведь крупными буквами написано. Не будут же в Москве неправду писать. Вот плакат во весь дом висит: «В магазине "Супербазар" много всякой всячины!» Так в этом магазине и правда всё что душе угодно. Папа мне там разноцветный рюкзачок купил, а маме – гири здоровенные...»

Мотя всё время про надпись на заборе думала. Даже спектакль невнимательно смотрела. А после спектакля Мотя с папой пошли в гости к Мотиной четвероюродной сестре. Этой сестре было уже десять

с половиной, и в одном ухе у неё висели сразу две серёжки.

– Я тут у вас на одном заборе такое прочитала, – шёпотом сказала Мотя своей четвероюродной сестре. – Что все мальчишки – дураки.

– А ты что, не знала? – удивилась сестра. – Вот деревня! У нас об этом все девчонки с детского сада знают.

– Как же так? – спросила Мотя. – А если какой-нибудь один мальчишка – не дурак?

– То, значит, он всё равно дурак, – сказала сестра. – Потому что он – мальчишка.

И Мотя решила, что если девочке уже десять с половиной и она носит две серёжки в одном ухе, то она в мальчишках лучше разбирается.

Мотя приехала домой в Толстокошкино, и к ней в гости пришли подруги – Анисья и Феофания. Мотя им про надпись рассказала. Анисья и Феофания засмеялись и поскорее убежали – всем остальным рассказывать.

А тут как раз Вася пришёл. И говорит:

– У меня есть свой собственный меховой урчатель.

Расстёгивает куртку, а там – щенок.

– Между прочим, – говорит Вася, – южноевропейский боксёр.

Мотя хотела щенка погладить, но вместо этого сказала гордо:

– Все мальчишки – дураки!

Вася так удивился! Чуть щенка не выронил. А потом как даст Моте по носу. От удивления. А Мотя его за щёку – цап. И поцарапала.

И пошло-поехало! По деревне Толстокошкино девчонки скачут и кричат: «Все мальчишки – дураки! Все мальчишки – дураки!» Мальчишки им подножки подставляют, за волосы дёргают. Девчонки царапаются, кусаются, визжат. Шум, гам. Настоящая война началась. Тухлыми апельсинами кидаются.

Тут мимо проходила директор школы Анна Егоровна в большой шляпе. И в неё апельсин угодил. Хорошо ещё, только по шляпе попало. Шляпа улетела, а Анна Егоровна собрала собрание школьников. И говорит:

– Я ничего не понимаю. Объясните мне, пожалуйста, что случилось.

И Моте пришлось всё рассказать про надпись.

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха! – засмеялась Анна Егоровна. – Да это же чепуха. То есть ерунда по-научному. Вот что. Уроки отменяются. Берём тряпки, вёдра и едем в Москву смывать с забора эту глупую и вредную ерунду.

Приехали, нашли забор, стали стирать и смывать. А буквы не стираются. И не смываются. Тогда позвали знаменитого профессора

Пяткина. Он посмотрел на буквы, потом потрогал и даже понюхал. И говорит:

– Это не простая ерунда. Это ерунда на постном масле. А постное масло очень плохо отмывается, надо позвать пожарных, чтобы они смыли эту ерунду своей особенной пеной.

Пожарные приехали и быстро-быстро смыли эту глупую ерунду. Забор стал чистый. А тут мимо как раз проходила художница Женя Чижик со своими красками и кисточками. И на чистом заборе она нарисовала портреты Моти, Васи, Данилы, Анисьи, Феофании, Анны Егоровны и профессора Пяткина. Потому что на заборах вместо ерунды на постном масле должны красоваться портреты всяких хороших людей.

Теперь Мотя совсем не читает, что на заборах написано. И сама не пишет. Ведь то, что написано на заборе, или просто обыкновенная ерунда, или ерунда на постном масле.

Мама и рыжий король

* * *

У Никиты был папа Володя и мама Оля. Однажды утром Никита играл в коридоре в войну с пришельцами, папа лежал на диване, качал ногой и пел «туруруруру», а мама стирала в стиральной машине, готовила обед, мыла окна, белила потолок, двигала мебель и чинила пылесос. Когда мама всё сделала, она оделась, положила в сумку два яблока и сказала:

– Ну вот, дорогие мои. Я сварила вам суп на всю жизнь и теперь от вас ухожу. Навсегда-навсегда.

– А какой ты нам суп сварила? – спросил папа.

– Грибной. С картошкой и жареным луком.

– Что же, – обиделся папа. – Я теперь всю жизнь должен грибной суп есть? Интересно.

И он снова запел «туруруруру».

А Никита спросил:

– Мам, можно я тут пока из твоей стиральной машины марсианский корабль построю?

– Конечно, можно, – согласилась мама и ушла.

Была осень. Мама пошла в парк. Там никого не было. Тогда мама стала шуршать жёлтыми листьями и подфутболивать их кончиками башмаков. Неприлично же при посторонних листьями шуршать. Взрослая всё-таки

тётя. Шуршала мама, шуршала, вдруг смотрит – по парку ещё кто-то ходит и тоже листьями шуршит. Мама пригляделась, а это молодой дядька – красивый такой, рыжий, кудрявый, а глаза весёлые-весёлые.

– Вы что, тоже листьями шуршать любите? – спросила мама.

– Очень, – сказал рыжий и улыбнулся. – Только редко удаётся хорошо пошуршать. Всё дела, заботы. Давайте с вами вместе шуршать.

Стали они вдвоём шуршать. А потом в кучи листьев прыгать с разбегу. Так весело было! Прыгали, прыгали, потом рыжий сказал:

– Так бы всю жизнь с вами и прыгал. Жалко, что улетать пора. Вот наберу сейчас с собой листьев и полечу.

И он достал огромный мешок.

– Зачем же вам с собой листья? – спросила мама.

– Чтобы пошуршать, когда сильно захочется. Ведь в моём королевстве всегда лето и нет сухих листьев.

– А у вас есть королевство? – удивилась мама. – А где оно?

– Пойдёмте покажу.

Рыжий и мама поднялись на крышу. Отсюда было далеко видно.

– Вон, – сказал рыжий. – Видите те белые дома далеко-далеко? А за ними – лес. В этом лесу есть коричневая дорога с лужами и подорожником. Эта дорога и ведёт в моё королевство. Моё королевство весёлое и тёплое. У меня там море и сад с каруселями. Знаете что? – придумал рыжий. – Полетим ко мне в гости, а? Я вас с мамой познакомлю. Она у меня добрая. Старенькая только. Ей уже трудно королевой быть, так что я теперь главный король.

«Как же я раньше-то не догадалась! – подумала мама. – Конечно, таким рыжим, весёлым, красивым и добрым может быть только король из королевства с морем и каруселями».

– А кто у вас суп готовит? – спросила мама.

– Никто, – ответил рыжий король. – Мы суп не едим. У нас всегда гречневая каша, винегрет и кисель. Полетели вместе! Я вам кошек своих покажу. Они такие смешные симпатяги! Рыжие, в зелёный горошек. А некоторые в клеточку.

– На чём же мы к вам полетим? – спросила мама.

Король посвистел, и на крышу опустился вертолёт.

– На каруселях с вами покатаемся! – радовался рыжий король. – А то я всё один на каруселях кружусь, грустно это как-то.

– Конечно, полетели! – решила мама. – Только я тогда домой зайду, варенье возьму вашей маме в подарок. А то неудобно в гости без гостинцев.

Мама пошла домой, а рыжий король ждал её прямо в вертолёте около подъезда.

Мама только дверь открыла, а Никита выбегает:

– Ой, мам, ты куда девалась-то? Мы уж и в милицию звонили, и в «Скорую помощь», и пожарным. А папа в обморок упал. То ли от волнения, то ли от голода.

– Как от голода? Я же вам суп сварила!

– А мы его налить не можем! Из половника я антенну для марсианского корабля сделал, крепко прикрутил, теперь не откручивается.

Стала мама половник от стиральной машины откручивать, Никиту супом кормить, папу от обморока лечить. Рыжий король ждал-ждал, а потом загрустил и улетел один в своё весёлое королевство. Теперь он часто смотрит в подзорную трубу на дорогу и вздыхает. Но вздыхать ему осталось совсем чуточку! Потому что мама уже обещала Никите и папе, что, если они будут хорошо себя вести, она возьмёт их в гости к рыжему королю в весёлое королевство. И Никита с папой изо всех сил стараются вести себя хорошо.

Вторая часть Ксюндра

Предисловие

* * *

Когда я была маленькая...

Нет, не так...

Когда я была уже довольно большая...

Опять не то...

А, вот!

Однажды осенью, когда тёпло, тихо и кругом много огромных мягких куч из сухих листьев, я гуляла у себя на даче в саду, со своим сыном Тёмиком, псом Чаком и рыжим котом Типкиным. Все они тогда были маленькие и непослушные, и мне приходилось то и дело громко руководить прогулкой:

– Типкин, слезь с дерева, а то мы тебя потом не достанем. Чак, не кусай за хвост Типкина! Тёмик, не садись верхом на Чака, он же барбос, а не лошадь!

И тут к забору со стороны соседей подошёл лысый дядька – в очках и рыжей бородой.

– Извините, пожалуйста, – сказал он воспитанно. – Это случайно не вы по радио в детских передачах выступаете?

А я тогда действительно делала детские передачи на радио. Мне стало очень приятно, что меня слушают. А дядька дальше говорит:

– Я вас по голосу сразу узнал, он у вас такой противный.
Я, конечно, обиделась и крикнула через забор:
– А вы, дяденька, вообще похожи на какое-то лысое чудовище!
Но человек совсем не обиделся, а расхохотался:
– Точно, точно, я – Лысое Чудовище! Пойду скорее позвоню своей любимой девушке, сообщу эту радостную новость! Я – Лысое Чудовище, ура!

И мы с «Лысым Чудовищем» подружились.

Оказалось, что это не просто лысый дядька, а знаменитый детский писатель Тим Собакин! Да, да, тот самый, который написал книжки «Заводной мир», «Собака, которая была кошкой», «Песни бегемотов», «Из переписки с коровой», тот самый, который так классно играет на гитаре и поёт песню про носорогов – как они идут в гастроном, чтобы купить себе булочку с маком, тра-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля-ля, трам-пам-пам!

И много других отличных песен.

Той осенью, когда в садах уродилось много отличных мягких куч сухих листьев, он работал главным редактором журнала «Трамвай», и это именно он подговорил меня писать «вспоминанья» про детство и стал печатать их в «Трамвае».

Так что, можно сказать, с Собакина-то всё и началось.

Ещё он придумал называть меня Ксюндрой. Раньше друзья называли меня «Ксюша-Драгуша», а совсем близкие даже «Ксюня-Драгуня». Но так ловко сократил всё это опять именно Тим Собакин. Вот молодец какой!

Слово «Ксюндра» мне очень понравилось, и я даже придумала, какая она, какие у неё повадки и причуды. А маленькие ксятки уже потом сами собой завелись.

Привет, Тим Собакин! Я тебя помню! Будь здоров! Расчёсывай бороду и береги лысину.

Когда я была маленькая

* * *

Когда я была маленькая, я была очень забывчивая. Я и сейчас забывчивая, но раньше – просто ужас!..

В первом классе я забыла прийти в школу первого сентября, и пришлось целый год ждать следующего первого сентября, чтобы идти сразу во второй.

А во втором классе я забыла свой ранец с учебниками и тетрадками, и мне пришлось возвращаться домой. Ранец я взяла, но забыла дорогу в школу и вспомнила о ней только в четвёртом классе. Но в четвёртом классе я забыла причесаться и пришла в школу совершенно лохматая. А в пятом – перепутала – осень сейчас, зима или лето – и вместо лыж принесла на физкультуру ласты. А в шестом классе я забыла, что в школе надо вести себя прилично, и притопала в класс на руках. Как акробат! Но зато в седьмом классе... Ой, фу ты... Снова забыла. Ну, потом расскажу, когда вспомню.

Про меня

* * *

Когда я была маленькая, у меня был сосед по парте Алёша. Очень хороший и воспитанный. Его ко мне специально посадили, чтобы я от него набиралась хорошеести. А оказалось, что он умеет шевелить ушами! Я тут же от него научилась. А он научился от меня сворачивать язык трубочкой. И мы стали гримасничать, кривляться и просто строить друг другу рожи. Так здорово было! Но однажды на уроке музыки учительница случайно увидела, какие мы строим рожи, и так испугалась, что взвизгнула, подпрыгнула и убежала из класса прямо в Америку, где и живёт до сих пор.

Так наш класс и не выучил красивую песню «Ночь сизокрылая, мямл, мямл, мямл...».

Однажды к нам в класс зашёл директор школы. Увидел меня и спрашивает:

– А это что за рыжая девочка?

– Что вы! – ему говорят. – Это же Ксюша Д.

(Потому что у нас в классе было ещё две Ксюши, одна по фамилии на букву «Л», а другая – на «И».)

– А-а, – говорит директор. – Смотри, Ксюша Д., води себя хорошо, а то скоро к нам в школу придёт комиссия.

После уроков мы с Алёшей пошли к нему в гости и поссорились. Сейчас уже даже не помню из-за чего. Из-за какой-то ерунды. Но Алёша так рассердился, что надел мне на голову кастрюлю с вареньем, которое только что сварила его бабушка. Хорошо ещё, что варенье успело немножко остыть. Все волосы у меня на голове склеились, и меня решили обрить налысо. Но одна знакомая тётенька посоветовала вымыть мне голову смесью из кефира, керосина, лимонада и воды из аквариума. Так и сделали. Волосы расклеились, но вместо рыжих стали совершенно зелёными. В школе все удивились, но потом привыкли.

И вдруг приходит комиссия – какая-то грустная девушка с авоськами. Увидела меня да как закричит:

– Безобразие! Здесь, в английской школе! Куда смотрит директор! Девочку с зелёными волосами надо обрить! Не положено зелёные волосы!

Я испугалась – теперь-то точно обреют.

Тогда Алёша поднял руку и сказал речь:

– Извините, пожалуйста, но разве вы не знаете, что волосы у неё не простые, а волшебные? Об этом говорили в передаче «Здоровье» и писали в газете «Волшебные известия». Не читали? Целая история! Жил-был милиционер, и не было у него детей. Однажды он увидел, что девочка с зелёными волосами перебегает улицу на красный свет. Он свистнул в свисток и поймал девочку, чтобы долго ругать. Но вдруг передумал, просто попросил больше не бегать на красный свет и даже погладил по голове. Через несколько дней у него родилось три сына-богатыря и две дочери-красавицы.

– Да? – переспросила грустная девушка-комиссия и вздохнула. – Ну ладно. Зелёные так зелёные.

И погладила меня по голове.

По дороге из нашей школы она зашла в овощной магазин и там случайно встретила прекрасного африканского принца. Он покупал солёные огурцы, чтобы приготовить себе из них африканский суп. Принц полюбил грустную девушку с самого первого взгляда, увёз в африканское королевство, и она стала настоящей принцессой.

Об этом тоже потом писали в газете «Волшебные известия».

А волосы у меня отмылись и опять стали рыжие.

Хулиган

* * *

Когда я была маленькая, я обожала кататься на велосипеде по лесу. Он так здорово дзынькал, перепрыгивая через коряги, я неслась по коричневой лесной дороге, ёжики и лягушата разбегались в стороны, а в глубоких прозрачных лужах отражалось небо.

И вот однажды под вечер я ехала по лесу и встретила хулигана.

– Эй, ты, рыжая, – сказал хулиган невоспитанным голосом. – А ну слезай с велосипеда.

Глаза у хулигана были грустные-грустные. Я сразу поняла, что у него было трудное детство.

– Ну, чего вытаращилась? – спросил хулиган. – Слезай живо, мне на море ехать надо.

– Хитренький! – сказала я. – Я, чур, тоже на море хочу. Ты меня на багажнике повезёшь.

И мы поехали.

– А как мы доедем до моря? – спросила я.

– Запросто, – сказал хулиган. – Надо только всё время ехать берегом реки, а она когда-нибудь в конце концов впадёт в море.

Мы ехали берегом маленькой тёмной лесной речки.

– Потом она расширится, – пообещал хулиган. – Начнут ходить пароходы, и мы доберёмся до моря на попутном корабле.

– На море на завтрак мы будем есть только арбузы! – сказала я.

– А на обед – воблу, жвачку и солёные огурцы!

– А на ужин – громко подпрыгивать и играть на гитаре!

Мы выехали в поле. Подул ветер. Я прижалась ухом к спине хулигана и слышала, как бьётся его хулиганское сердце. Стало темнеть. Река всё не расширялась и не расширялась, и попутных кораблей что-то не было видно. Я вспомнила про маму, тётю Лизу и кота Арбузика. Как они ждут меня, смотрят в окошко, а потом плачут, звонят в милицию, «Скорую помощь» и пожарным тоже на всякий случай.

– Эй! – Я постучала по хулиганской спине. – Останови, мне домой надо.

– А на море как же?

– Потом как-нибудь, – пообещала я. – В следующий раз.

Глаза у хулигана стали ещё грустнее.

– Эх ты, – сказал он, – трусиха.

– А ты – хулиган!

– А я зато, когда вырасту, на тебе не женюсь, – сказал хулиган, слез с велосипеда и ушёл.

Самое интересное, что так оно и вышло! Уж и царь на мне женился, и злой колдун, и космонавт, и дурак. А хулиган – не женился!!! Я даже вообще его с тех пор ни разу не видела. Наверное, он уже вырос и у него есть настоящая борода.

Но это уже совсем другая история.

Очень грустная история

* * *

Когда я была маленькая, в меня влюбился один Федька. Он подарил мне очень красивую старинную фарфоровую немножко лысую куклу в кружевном платье.

Но я влюбилась в учителя природоведения. Обменяла куклу на морскую свинку и подарила ему.

А учитель природоведения влюбился в учительницу физкультуры. Продал морскую свинку на Птичьем рынке, купил здоровенную гирию и подарил учительнице физкультуры.

И мы все заболели скарлатиной. Но не от куклы, не от морской свинки и не от гири мы заразились. Заразились мы от Героя Советского Союза лётчика-космонавта Затыкайченко, который приходил к нам в школу и со всеми учителями за руку поздоровался, а учеников лично каждого погладил по голове.

Ну, это я всё вру, ведь космонавты не болеют скарлатиной...

Противные старушки

* * *

Когда я была маленькая, я была очень противная. Я и сейчас противная, но раньше – просто ужас.

Вот мне говорят:

– Ксюшенька, иди кушать!

А я в ответ противным голосом:

– Пе-пе-пе-пе-пе!..

Даже вспоминать стыдно.

И вот однажды весной гуляла я в саду «Эрмитаж» и показывала всем язык. Мимо проходили две старушки в беретках и спросили меня:

– Девочка, как тебя зовут?

– Никак, – ответила я своим противным голосом.

– Ура! – запрыгали от радости старушки. – Наконец-то мы нашли девочку по имени Никак. Вот тебе письмо.

И они упрыгали. В письме было написано:

*«Девочка по имени Никак! Почеши, пожалуйста, левой ногой
правое ухо!»*

«Вот ещё! – подумала я. – Очень надо!»

Вечером мы с мамой и тётей Лизой пошли в «Детский мир». Мама и тётя Лиза крепко держали меня за руки, чтобы я не потерялась. И вдруг

у меня ужасно зачесалось правое ухо! Я стала выдёргивать свои руки. Но мама и тётя Лиза только сжали мои руки покрепче. Тогда я постаралась почесать ухо правой ногой. Но не дотянулась... И мне пришлось изловчиться и почесать правое ухо как раз левой ногой.

И как только я это сделала, у меня тут же выросли большие кудрявые усы. И у всех других детей – тоже. В «Детском мире» поднялся страшный визг – это мамы и папы испугались своих детей усатых! И скорее побежали к врачам и милиционерам. Но врачи смогли вылечить усатых детей не сразу, а только через несколько дней.

Зато милиционеры сразу поймали двух противных старушек в беретках. Эти старушки уже давно ходили по Москве и делали всякие безобразия. Только они были уже совсем старенькие, и их противности не хватало для безобразий. Поэтому они подыскивали противных мальчишек и девчонок и безобразничали с их помощью.

«Надо же! – подумала я. – Оказывается, противные девочки становятся противными старушками?..»

Мне не захотелось становиться такой старушкой, и я перестала быть противной.

Мальчик с ежами

* * *

Когда я была маленькая, я без конца со всеми ссорилась, ругалась, обзывалась, дразнилась, щипалась, кусалась, плевалась и дралась.

Но не потому, что я была такая ужасная. Наоборот. Просто я очень любила мириться. Ведь мириться – это так здорово, так чудесно и приятно. Но чтобы хорошенько помириться, надо сначала поссориться как следует. Вот я и ссорилась нарочно.

И вот однажды я гуляла в саду «Эрмитаж» и встретила мальчика. Он был очень красивый, кудрявый и задумчивый, с пушистым малиновым шарфом. Мне тут же жутко захотелось с этим мальчиком мириться. И чтобы обязательно держаться мизинцами и приговаривать «миришь-миришь-миришь». Я поскорее подошла к нему поближе и изо всех сил показала ему язык. А он только улыбнулся. Даже не сказал мне ничего обзывательного, вот ужас-то! Тогда я сказала:

– А у меня зато волосы рыжие!

Я думала, что он сейчас начнёт меня дразнить и мы наконец поссоримся. А он сказал:

– Не рыжие, а золотые. Очень красивые волосы.

«Странный какой-то», – подумала я и сказала:

– А ты зато псих ненормальный!

А он порылся в кармане и протянул мне леденец на палочке. Мне стало так обидно, что он не хочет со мной ссориться, что я заплакала.

Мальчик очень огорчился и стал меня утешать:

– Ну не плачь, ты, наверное, шоколадную конфету хотела, а я тебе только леденец дал? Ничего, я тебе потом шоколадную принесу. А хочешь, пойдём ко мне в гости, у меня дома ёжики есть, живые, настоящие. Ну не плачь, давай мириться!

Тут я прямо подскочила от радости.

– Конечно, давай! – завопила я.

И мы стали мириться. Мы взялись мизинцами и так долго трясли руками, что у меня даже мизинец навсегда оттопыренным остался. Честно! А потом мы пошли к нему в гости смотреть двух живых настоящих ёжиков, которые у него жили.

И мы с этим мальчиком так ужасно подружились, что дружим до сих пор. Только теперь у него живут уже целых семь ёжиков.

Ксюндра и ксятки

* * *

Когда я была маленькая, много водилось в наших лесах всякого дивного, невиданного и чудесного зверья. Сейчас таких зверей и в зоопарке не найдёшь, и по телевизору не встретишь.

Самым чудесным зверем была, конечно, Большая Мохнатая Ксюндра. Жила она на дереве в здоровенной корзине, а на лето переселялась к морю, чтобы загорать и смотреть пароходы. Ксюндра никогда никого не кусала и не поедала. Она была мирная. Больше всего на свете Ксюндра любила кукурузу, маленькие солёные огурцы и прыгать с разбегу в осенние кучи сухих листьев. Поэтому каждую осень Ксюндра возвращалась в родные леса, сады и парки и прыгала в кучи листьев, которые специально для неё собирали лесники и садовники. Все очень любили Ксюндру и хотели погладить. Потому что она была для здоровья полезная. Если что-то болит, надо просто пощекотать больное место мохматым Ксюндриным хвостом, и тут же всё проходит. А ещё у Ксюндры были всякие младшие родственники – ксятки. Они были пушистые, рыжие и симпатичные, немного похожие на котят. Весёлые и маленькие, прямо с ладошку величиной. Ксятки тоже жили в лесах, садах и парках.

И вот однажды осенью проходил по лесам, садам и паркам лесник дядя Саша. Каждую осень он начинал говорить стихами, это с ним

бывало – он уж и к врачу обращался, и головой тряс, ничего не помогало. Вот, значит, проходил дядя Саша по лесу и увидел ксяток.

– Ксятки, ксятки, – сказал дядя Саша, – ну-ка покажите пятки!

Послушные ксятки показали дяде Саше пяточки. Пяточки у них были розовые, чистые, довольно кошачьи.

Ксячьи пяточки дяде Саше понравились, и он сказал:

– Вот за то, что у вас такие чистые пятки, милые ксятки, мы с вами будем сейчас играть в прятки!

И стали они играть в прятки. Только ксятки сразу так спрятались, что больше их уже никто и никогда не мог найти. И милиция искала, и учёные профессора, и юные следопыты. Так и исчезли ксятки из наших родных лесов и дремучих огородов. А вместе с ними и Большая Мехава Ксюндра исчезла, но не потому, что играла в прятки, а так, за компанию.

Превращение

* * *

В нашем классе была девочка Олеся со смешной фамилией Черемох. Она вообще была чудная такая... Двоечница-предвоечница. Всегда опаздывала, даже если ко второму уроку. А однажды в мешке со сменкой принесла только одну тапку. Вместо второй был котёнок. Черемох сказала, что он заполз в мешок со сменкой случайно, потому что дома полно котят и вообще жуткий беспорядок. Мне, конечно, тут же страшно захотелось в гости к Черемох, ведь у меня дома был один сплошной порядок и очень не хватало котят, а я их обожала.

Учительница позвала завуча, и тот велел Черемох сию минуту отнести котёнка домой, ведь в школе ему не место. Черемох пожала плечами, не спеша собралась и ушла, и я видела в окошко, как она вприпрыжку бежит через школьный двор на волю, пока мы все, почти сорок несчастных детей, решаем задачи и читаем стихи про природу.

Черемох всё время врала. Притом иногда даже без всякого смысла, без выгоды, не для того, чтобы придумать какую-то уважительную причину для опоздания или пропущенных уроков, а просто так.

Например, про пленного немца. Рядом с моим домом была (она там и сейчас стоит, хотите, проверьте) маленькая будочка. Теперь-то я знаю, что это всего лишь вентиляция, для метро. А в детстве нам казалось, что это какой-то таинственный домик.

И вот Черемох «внесла ясность». Она сказала, что в этом домике живёт пленный немец, из тех, что строили дома в Москве после войны. Почему он остался жить в этом крошечном домике, она и сама не знала, но твёрдо сказала, что мы, потомки солдат-победителей, должны относиться к пленному немцу великодушно, то есть – подкармливать.

И мы оставляли перед будочкой яблоки и куски булок и всё ждали, что в один прекрасный день из будочки выйдет довольно упитанный немецкий солдат, и мы строго скажем ему:

– Одумался? Езжай домой и больше не нападай на нашу Родину!

Про нашу учительницу алгебры Черемох рассказывала, что та якобы раньше в другой школе преподавала физкультуру, но однажды на соревнованиях по прыжкам в высоту среди толстяков сильно стукнулась головой и стала после этого преподавать алгебру.

А в седьмом классе, на занятиях по предмету «домоводство», это когда девочек учат готовить и шить, а мальчиков что-нибудь привинчивать или, наоборот, отпиливать, случилась совсем непонятная история.

Домоводство шло перед химией. По химии ожидалась контрольная. Пока мы месили тесто для блинчиков, которые мы изучали на этом уроке домоводства, все с ужасом говорили о предстоящей контрольной. Черемох, принеся из дому тёмного цвета варенье для начинки, предложила угостить блинчиками учительницу химии. Никто даже не заподозрил ничего, мы часто приглашали учителей попробовать наши угощения по домоводству. Учительница химии пришла, с аппетитом съела два блинчика с черемоховским тёмным вареньем... Зазевала-зазевала, потом села в сторонку, а уже минут через пятнадцать за ней приехал муж-военный на машине «Жигули», унёс её, сладко спящую, на руках, и она не появлялась в школе недели две. Интересно, что остальные – хоть бы хны. Все девчонки и учительница по труду Зоя Дмитриевна тоже пробовали блинчики с тёмным вареньем... Может, Черемох добавила в варенье специальное снотворное, действующее только на учителей химии?..

Вот какая была у нас Олеся Черemoх.

Когда мы подросли, Черemoх первая перестала носить противную школьную форму – коричневое платье и чёрный фартук, надела короткую юбку и красный свитер.

«Угомонись, Черemoх, – предупреждали учителя, целых два завуча и директор. – Возьмись за ум, пока не поздно. Иначе ты будешь валяться

в канаве. Ты окажешься в глухой деревне одна-одинёшенька. Ты будешь улицу мести, и это в лучшем случае. Тебя заберут в милицию навсегда-навсегда».

Но Черемох не собиралась «угоманиваться» и браться за ум. Она сбрила брови и нарисовала другие повыше – тоненькие-претоненькие. Ногти накрасила зелёным, а к ушам пристегнула какие-то здоровенные пуговицы. Говорила, что это такие модные серьги.

В общем, после восьмого класса (а раньше такие экзамены, какие сейчас сдают после девятого, сдавали после восьмого) Черемох ничего не сдала, нахватала двоек, или, как мы тогда говорили, «бананов», и её выгнали из нашей школы.

Куда она девалась, я точно не знаю. Наверное, совсем перестала учиться. Иногда посреди уроков она подъезжала к нашей школе на настоящем мотоцикле. За рулём сидел какой-то кудрявый парень в кожаной куртке. Парень страшно газовал и шумел своим мотоциклом, а Черемох свистела в два пальца, бросала в окна мелкие камешки и дразнила учителей.

Ужас, ужас...

Что с ней было дальше, я тоже не знаю. Честно говоря, я просто боялась об этом думать. И вот недавно, когда мы с моими одноклассниками встретились в кафе, чтобы съесть чего-нибудь вкусного и как следует повспоминать наши счастливые школьные годы, кто-то рассказал про Черемох.

Ну, как вы думаете, что с ней стало?

Совсем пропала? Угодила в милицию навсегда-навсегда? Метёт улицу? Живёт в заброшенной деревне?

ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!!!

Олеся Черемох стала учительницей начальных классов. Такой строгой, что её побаиваются не только ученики, но и родители, и другие учителя, и не только в её школе, а во всём учебном округе.

Дорогие ребята! Если у вас в школе есть самая строгая учительница, которая никогда не шутит, и все её боятся, посмотрите за нею повнимательней, понаблюдайте, разведайте – не наша ли это знаменитая Олеся Черемох? И даже если это не Олеся Черемох, а Ирина Петровна или Ася Иосифовна, то всё же подумайте – а не была ли она в детстве страшной безобразницей? Спросите у неё как-нибудь невзначай про зелёные ногти, пуговицы на ушах и мотоцикл. И про котёнка в мешке со сменкой.

«Мятые облака»

* * *

В детстве у меня совсем не было ни кота, ни собаки. Мама обещала завести мне собаку, когда я подрасту и смогу сама нести за неё ответственность и следить, чтобы собака или кот ничего в квартире не погрызли и не обшерстили.

Я росла, росла, собаку всё не заводили и не заводили... Так я и выросла без собаки.

Зато теперь я сама командую в своей семье и жизни и могу напихать хоть полный дом барбосов и котов!

Но тогда, в детстве, такое было у меня грустное бескошачье и безбарбосное житьё...

И вот однажды я шла через подземный переход на метро Маяковская. Возле телефонов-автоматов болтались без дела ребята постарше, с гитарой. Они пели какую-то странную песню, похожую на считалку:

– Хау нау? – Отдыхау!
Ноу, ноу, что такоу?
Кисс ми, мисс ми,
Брандахлыс ми – бац!
Соу сорри, нет ли соли?
Теос деос космодреос – дримз!

Фловер-повер дураковер
И форевер чернышевер – ю!

С виду они были довольно лохматые и в дырявых джинсах.

Это сейчас можно надевать на себя всё что угодно, и никто на тебя даже не посмотрит. А раньше – ого-го! Попробуй походи лохматым и драным, все тут же решат, что ты отъявленный хулиган и вообще псих.

Я так и подумала, когда увидела эту компанию: «Ничего себе психи». Но потом разглядела среди них Ерёму, брата одной девчонки из нашей школы. Её пока ещё не выгнали из нашей школы, а Ерёму – давным-давно. Но он ничуть не вообразал, а крикнул мне:

– Привет, Ксюха, чего грустная такая?

– Грущу, что нет у меня ни барбоса, ни кота, – призналась я.

– А ты не грусти! – утешил Ерёма. – У нас есть восемьдесят четыре копейки, мы сейчас пончиков купим. И пойдём к тебе в гости, пить чай.

– В гости? – Я как-то оробела.

Целая куча незнакомых лохматых психов с гитарой.

– Твоя мама дома? – спросил Ерёма.

– Нет.

– Жалко, – почему-то сказал он. – Ну, пошли к тебе в гости, будь другом, а то мы уже замёрзли. А мы, между прочим, не какие-нибудь там, мы ансамбль «Мятые облака».

В маленьком окошке на улице по соседству мы купили пончиков, посыпанных сахарной пудрой, и пошли ко мне в гости пить чай. Когда мы пришли в мою квартиру, то музыкальные психи почему-то стали ужасно стесняться, вытирать ноги, говорить шёпотом и даже мыть руки. Но постепенно за чаем с пончиками они вполне освоились, попривыкли и затянули свою песню, отбивая ритм по столу с чашками:

– Хау нау? – Отдыхау!

Ноу, ноу, что такоу?

Кисс ми, мисс ми,

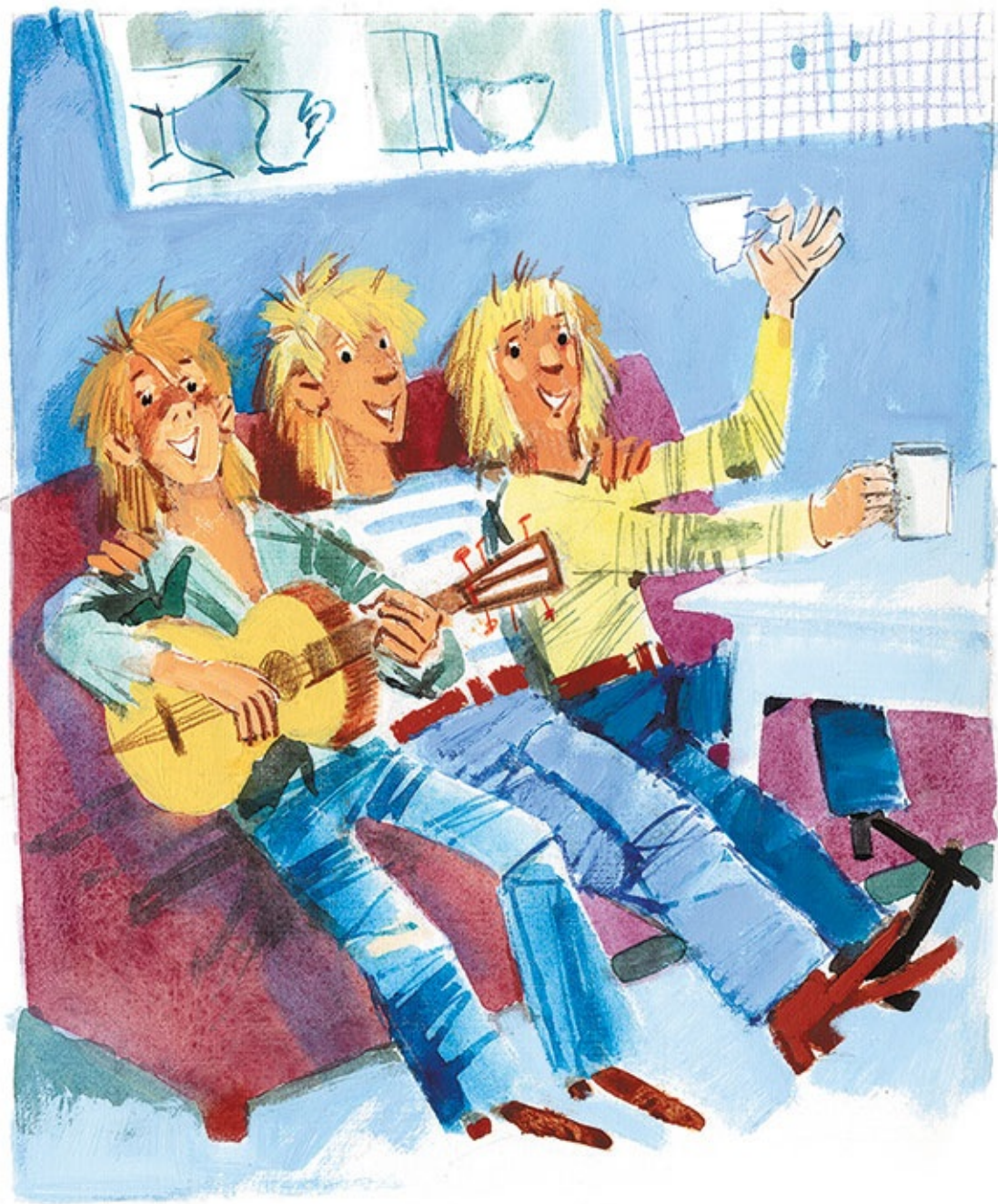
Брандахлыс ми – бац!

Соу сорри, нет ли соли?

Теос деос космодреос – дримз!

Фловер-повер дураковер

И форевер чернышевер – ю!

Мы пели громко, и никто не услышал, как в коридоре хлопнула дверь. Моя мама появилась на пороге кухни прямо в пальто и сапогах. Лицо у неё было такое... Такое... Что «Мятые облака» просто испарились, исчезли через секунду.

– Это ещё кто такие? – спросила мама ужасным голосом.

– Не знаю, – от страха голосом ещё более нахальным, чем обычно, сказала я. – В подземном переходе познакомилась. А что? Ты целыми

днями на работе, а вечером идёшь в театр или в гости, а мне даже поговорить не с кем...

Мама долго проветривала и пылесосила квартиру.

А дня через два у меня появился не то чтобы котёнок, а совсем ещё молодая кошка Блэки, похожая на корову – белая в больших чёрных пятнах. Такая славная усатая симпатяга! Мы тут же подружились.

Поняла, выходит, мама, что надо мне домашнее животное завести, пока не поздно.

В булочной я встретила Ерёму и похвасталась кошкой.

– Ерёма, ты гений!

– Да ладно, чего там... – заскромничал он. – Обращайся, если что...

Это было давно...

Ну а теперь-то какое раздолье! В любом подземном переходе стоят музыканты, бренчат на гитарах, на барабанах барабанят, а то и на скрипках с флейтами играют.

Дружочек!!!

Если тебе не разрешают завести меховых домашних животных, то не зевай, зови подземных музыкантов в гости, бери к себе домой, можешь даже сказать родителям, что привёл их к себе навсегда-навсегда. Музыкой заниматься – петь и бренчать с утра до ночи.

Да что музыканты! Вон сколько толпится у метро всяких ребят постарше – лохматых, с банками пива в руках, хохочущих страшными голосами. Твои родители тут же поймут, что по сравнению с этими «чудиками» и пёс, и кот, и жираф с макакой и даже крокодил – сущие пустяки, просто прелесть...

Кстати, Ерёма в конце концов взялся за ум, в институте выучился... Я его вижу довольно часто. Вы все его видите. Он работает теперь ведущим новостей на Первом канале. Который именно? Как фамилия? А вы посмотрите повнимательней. Когда я на него внимательно смотрю, то он тоже на меня внимательно смотрит и так тихо-тихо, чтобы только мне слышно было:

– Хау нау? – Отдыхау!

Ноу, ноу, что такоу?

Кисс ми, мисс ми,

Брандахлыс ми – бац!

Соу сорри, нет ли соли?

Теос деос космодреос – дримз!

Фловер-повер дураковер

И forever чернышевер – ю!

Целоваться запрещено!

* * *

Когда я училась в школе, после восьмого класса надо было сдавать экзамены. А кому охота сдавать экзамены? Никому! И поэтому, как только наступила весна и зацвела черёмуха, все в нашем классе тут же стали ломать руки, ноги, выворачивать шеи, разбивать головы, два мальчика сморчками отравились, а одна девочка даже замуж вышла, только чтобы экзамены не сдавать.

Правда, она была второгодница.

Я, конечно, тоже не хотела сдавать экзамены. Особенно по алгебре и геометрии. Мало того, что я ничего не понимала в этих науках. Я ещё очень боялась учительницы. Её звали Джульетта Гамлетовна. Между собой мы называли её Котлета Омлетовна. Она была довольно сердитая. К тому же во рту у неё торчало всего два зуба. Зато железных! А на носу росла большая бородавка с тремя кудрявыми волосами.

Вот учителя по русскому я совсем не боялась. Я хорошо училась по русскому. Только я не любила, когда учитель гладил меня по голове, потому что на руках у него совсем не было пальцев.

Ну, английский – вообще ерунда. Англичанка нас никогда не мучила. У неё была аллергия на школьников. Она входила в класс и начинала чихать до упаду. Когда она падала, мы по очереди делали ей искусственное дыхание. У нас даже специальное расписание дежурств было составлено.

Дежурные по искусственному дыханию.

Ну вот. Когда мы с моим одноклассником и лучшим другом Алёшей спохватились, что надо освобождаться от экзаменов, все больницы уже были заняты восьмиклассниками.

И вот однажды в нашем восьмом «А» было собрание. А Алёша, как всегда, спал. И вдруг ему приснилось что-то страшное, он закричал, замахал руками, заехал в ухо Ирке Беликовой, вскочил и говорит:

– Нет!!! Не может Круглов быть командиром класса! Он в детстве котят мучил, я с ним в одном детском саду был, я знаю. И вообще! Вот вы, Котлета Омлетовна! Разве может наш советский учитель иметь во рту всего два зуба, да и то железных?!

У учительницы алгебры-геометрии даже бородавка на носу позеленела.

Я ему шепчу:

– Ты что, Алексей, свихнулся?

А он мне:

– Папа сказал – если всем правду говорить, в сумасшедший дом посадят, экзамены сдавать не надо!

Тем временем учительница приосанилась и говорит:

– Вот, Алексей, если ты такой храбрый и мужественный, всем правду говоришь, ты и будешь командиром класса. Сдавай хорошо экзамены, ты теперь для всех пример.

Ха-ха-ха.

И вдруг учительница меня спрашивает:

– А что это ты там всё пишешь?

Я говорю:

– Стихи. О любви. Посвящённые учителю биологии. Не верите? Вот.

И прочла стихи:

– Поскорей мне расскажи,
Как размножаются ежи...

У учительницы чуть два железных зуба не вывалились.

– Это же сумасшедшая девчонка! – завопила она. – На собрании класса писать такие неприличные стихи! Про учителя биологии! Да тебя просто в сумасшедший дом упрятать надо! Ну-ка немедленно к директору!

И повела меня к директору.

А директор у нас был очень хороший. Только очень маленького роста,

прямо как гномик. Ну серьёзно – с кошку величиной. И чтобы наябедничать ему, как я плохо себя веду, учительнице пришлось взять его на руки.

Вот держит она директора на руках и говорит:

– Евгений Николаевич, она на собрании класса стихи про любовь пишет. Давайте отправим её в сумасшедший дом.

А директор добрым голосом говорит:

– Про любовь – это хорошо. Значит, нормальная, здоровая девочка. Не надо её в сумасшедший дом. Вы, Джульетта Гамлетовна, всегда ко мне со всякой ерундой. Давайте-ка вот я лучше вас поцелую.

Я же говорю, что директор школы у нас хороший был. Обожа́л целоваться. Это специально для него на лестницах, в коридорах и туалетах низко-низко (чтобы он, маленький, прочитать мог) висели таблички: «ЦЕЛОВАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО!»

Интернациональная дружба

* * *

Когда я была маленькая, в школе я была членом КИДа.

Это сейчас люди из разных стран спокойно дружат, переписываются и ездят друг к другу в гости. Раньше с этим было сложно. То есть все тоже друг с другом дружили, но как-то на расстоянии.

Зато в каждой школе непременно был Клуб интернациональной дружбы. Сокращённо – КИД.

И вот однажды президент этого самого КИДа Дима Халангот говорит:

– После шестого урока заседание, надо обсудить важные вопросы и задачи.

Лукиянову неохота оставаться после уроков, и он говорит:

– Я и так со всеми интернационально дружу. У нас в коммуналке Саитовы – татары, Цогоевы – осетины, и дядя Жора ещё, который в будке обувь чистит, он этот, как его, забыл... Древняя нация.

(Лукиянов жил в маленьком старом доме рядом с Центральным рынком. Теперь вместо этого дома – метро «Цветной бульвар».)

– Не умничай, – строго сказала Саломатина из десятого «А». – Саитовы, Цогоевы и дядя Жора – наш советский народ. Ничего с ними не случится, у них и так всё хорошо. А вот везде, во всём мире, негров угнетают расисты и капиталисты. И мы как члены Клуба интернациональной дружбы должны им помогать.

Наша школа находилась на Самотёке во дворах. Она и сейчас там стоит.

А рядом с нашей школой, ближе к Садовому, был дом, где жили работники иностранных посольств и фирм. И негры в том числе. И вот негры действительно были какие-то очень грустные, в меховых шапках. Даже не в настоящих меховых, а в каких-то таких, из того же материала, из какого мягкие игрушки делают. Когда из-под такой ушанки, из меха мягких игрушек, негритянская физиономия виднеется – ну очень грустно выглядит.

Мы даже это обсуждали как-то с одноклассниками:

– Холодно в Москве, темнеет зимой рано, с бананами то и дело перебои.

– Зато никакой капиталист не достанет, а у нас в Советском Союзе неграм ото всех почёт и уважение.

– Всё равно. Вернутся на свои родины, и опять будут угнетаемые. Вот они и грустят.

После шестого урока мы собрались на заседание КИДа и стали думать, как помочь бедным несчастным неграм. Лукьянов говорит:

– Давайте пригласим к себе немного угнетаемых негров из настоящей Африки. Поживут, отдохнут. Мы их в Кремль сводим. А они потом нас в Африку пригласят. Здорово же!

– Это сложно, – решила Саломатина.

– Тогда давайте им что-нибудь пошлём. Матрёшку, малиновое варенье. Затеём переписку, подружмся.

(Это я сказала, потому что приглашать к себе угнетаемых негров мне не очень хотелось, да и мама не разрешит, а письмо и посылка с гостинцами – как раз то, что нужно. Вроде мы о вас помним, всё хорошо, рот-фронт, дружба-френдшип.)

Халангот говорит:

– Это долго. Ещё потеряется посылка, да и варенье в дороге прольётся. Давайте лучше устроим торжественную линейку и прочитаем стихи про мир и дружбу.

– Да, точно, – обрадовалась Саломатина. – Линейку солидарности! В общем, от каждого класса надо выбрать по одному человеку со

стихотворением, и всё, в пятницу читаем. Не забудьте надеть парадную пионерскую форму.

– Глупость какая! – сказала моя мама, когда я стала собираться на линейку дружбы и солидарности. – Ничего себе дружба – людям плохо, у них болезни, голод, война, а их так называемые друзья собираются и читают стихи. Вот представь себе – ты заболела, у тебя температура, болит горло, а мы с Дениской, вместо того чтобы пойти в аптеку или вызвать врача, встанем рядом и начнём стихи декламировать с выражением...

Честно говоря, я тоже никак не могла понять, почему от чтения стихов в актовом зале неграм в далёкой Африке должно стать лучше. Но всё-таки в пятницу утром вся школа, с первых классов по десятые, надела парадную пионерскую форму и выстроилась в актовом зале читать стихи.

– За мир без войн идёт движенье, и заменить повсюду нужно оружие уничтоженья – уничтожением оружия!

Или вот это, моё любимое, про то, какие американцы плохие, а мы – хорошие:

– Они готовят новую войну, и бомбой атомной грозят они народам, а мы растём спокойно в вышину, под нашим тихим, мирным небосводом. Они пускают доллар в оборот, затем, чтоб дать оружие убийцам, а мы свой рубль даём, наоборот, чтобы построить школы и больницы!

Я никогда не понимала, почему, чтобы построить школы и больницы, надо как-то «наоборот» давать рубль. Что такое – «рубль даём наоборот»? Рубль, что ли, наоборот? Это как? Другую какую-то деньги, не рубль, а наоборот? Или всё-таки рубль, но как-то вверх тормашками? А где у рубля тормашки, вообще-то? Или – даём наоборот? В смысле отнимаем? Непонятно...

Но до сих пор, когда я вспоминаю эти строчки, мне хочется смеяться и плакать одновременно. Хорошие, значит, стихи, душевные очень.

Прочитали мы стихи, нам похлопали, и мы пошли из школы домой.

И вот вы не поверите!

Идём мы такие по Большому Каретному, а навстречу – целая ватага негритосов в ушанках из меха мягких игрушек, и они все до одного совершенно не унылые – весёлые такие, играют в снежки и смеются своими белыми-белыми зубами.

Подействовали, значит, стихи-то!

Лысая зелёная макака

* * *

Когда я была маленькая, со мной в одном классе учился мальчик по прозвищу Виник. Потому что его фамилия была Винокуров. Он был чудной. С приветом. Притом с большим. С огромным приветием. Когда мы обучались ещё в детском саду (а мы с Виником жили в соседних домах и ходили в один детский сад), на обед дали варёную курицу, и Виник помазал её зелёнкой, чтобы курице не больно было, когда её едят.

В школу Виник ходил довольно редко, и мы всегда очень радовались, когда он появлялся. Раз Виник пришёл, значит, обязательно что-нибудь отчебучит.

И вот однажды, классе в четвёртом, шёл урок английского. Нашей любимой Ларисы Николаевны не было, и её заменяла одна довольно вредная тётка. Она нас совершенно замучила, к тому же задразнила и заобзывала. Шёл не урок английского, а какое-то мученье. Но посреди этого мученья кто-то из учителей заглянул в наш класс и позвал её. Мучительница зыркнула на нас грозно, велела сделать пять упражнений, рявкнула, треснула журналом по столу, чтобы мы вели себя тихо, и ушла.

Нам тут же так весело стало, так хорошо. Мы стали разговаривать обо всём на свете.

— Хорошо бы, — сказал Димон, — завести такого какого-нибудь учёного зверька, вроде хомячка или морской свинки, и надрессировать его, чтобы он ночью, пока мама спит, выпалывал у неё из косы седые волосы. Вот как сорняки на огороде. А то она каждое утро причёсывается, видит, что у неё

есть седые волосы, и очень огорчается...

– Ты лучше учись хорошо, – посоветовала отличница Смирнова. – И седых волос у мамы будет меньше...

– А у моей мамы зато во какие мускулы, – похвастался Лукьянов.

– А у моей бабушки зато тройной подбородок, – не отстала Вера и напыжилась вся, чтобы показать, но у неё не очень получилось.

– Зато мой папа, – воображаelistым голосом начал Макс, – такой умный и красивый, что у него целых четыре жены. И все они очень дружат с мамой и со мной, дарят подарки и шлют открытки к праздникам...

Так мы сидели и болтали, мучительница всё не шла и не шла, в конце концов нам даже надоело болтать, и Настя сказала:

– А теперь давайте молчать!

– Точно! – обрадовался Макс. – Кто первый заговорит, тот лысая макака!

А Виник придумал:

– Лучше, кто первый войдёт!

– Кто первый войдёт или заговорит, тот – лысая зелёная макака! – решили все и стали молчать. Тишина.

И тут входит учительница и сразу, с порога, произносит любимое учительское слово:

– ТАК!!!

Мы изо всех сил старались не смеяться, но некоторые, например Ирка или Танька, они вообще дохлые, болели часто, тут же начали хихикать.

– Это что ещё такое? Что за глупый смех? – Учительница почуяла неладное.

Тут Ирка и Танька просто затряслись от смеха, даже повизгивать начали, а глядя на них, принялись веселиться и остальные.

– Вы почему смеётесь? – рассвирепела учительница. – Объясните мне, что происходит! Как вы смеете?! Что во мне такого смешного?!

Уж тут-то все чуть под парты от хохота не свалились. А учительница стала такого цвета... Я даже испугалась, что её сейчас удар хватит.

И Виник, наверное, тоже испугался. Он встал и сказал спокойно

и вежливо:

– Мы смеемся, потому что вы – лысая зелёная макака. Так получилось. Вы уж не огорчайтесь. Вы – лысая зелёная макака, а так – ничего страшного.

И сел.

У учительницы голос пропал начисто. И как это только пятнадцать минут назад она на нас кричала?

Сначала она просто открывала рот – без всяких звуков, а потом схватилась за голову и побежала из класса спортивной рысью.

– Странная какая-то, – пожал плечами Виник. – Сама же просила объяснить, почему все смеются.

Винику, конечно, здорово влетело. В пятый класс он пошёл в другую школу. В шестой – ещё в одну. Седьмой класс заканчивал в санатории, восьмой – в другом городе, девятый – опять в Москве, но в лесной школе. Вернее, половину девятого, потому что в лесной школе он опять что-то отчебучил. В десятый класс его принимать никто не хотел. Что он делал дальше – я точно не знаю, но зато теперь наш Виник стал начальством и ездит на здоровенном джипе с мигалками.

Третья часть

От души и на память

Предисловие

* * *

Вот что со мной то и дело случалось, когда я была маленькая. И какие чудесные люди попадались навстречу!

Ну а со взрослым-то что интересного может случиться? Да ничего!

Ну, подумаешь, дяденька какой-нибудь женится в восьмой раз. Или купит пятую машину. И тут же на этой машине нарушит правила, а потом удирает от дорожной полиции, попутно перепрыгнув через распродажу арбузов и чуть не утонув в пруду с лодками и утками.

Или тётенька собирается на вечеринку в ресторан, есть вкусности и танцевать, и чтобы хорошо выглядеть, пьёт таблетки для омоложения. А таблетки-то действуют! Она становится всё моложе и моложе. И её потом ни в какой ресторан не пускают: «Девочка, а ты-то куда? Иди домой, на горшок и спать».

И что в этом такого особенного, интересного? Ерунда на постном масле.

Нет, у детей всё гораздо интересней бывает. Поэтому когда я встречаюсь с детьми в школе или библиотеке, в деревне, в гостях, в самолёте или в поезде, я всегда прошу их рассказать что-нибудь, чтобы

помочь мне написать новый рассказ.

Вот, например, рассказ Тёмы Коржикова, ученика третьего класса.

От души и на память

* * *

На большой перемене Евдокимова закрыла дверь в класс на швабру и сказала:

– Начинаем секретный совет! У Майи Первомаевны скоро день рождения. Надо придумать подарок.

Петросян говорит:

– Так решили вроде – электрический чайник. Родительский комитет деньги собирал.

– Электрический чайник мы ей на прошлый день рождения дарили, – вспомнил Гунькин.

– Нет, – поправил Котов. – На прошлый день рождения мы дарили ей тостер, а электрический чайник на Восьмое марта.

– Совсем, что ли? – удивилась Смирнова. – На Восьмое марта был моющий пылесос, на прошлый день рождения – миксер, на Новый год – тостер, на окончание учебного года – кухонный комбайн «Мулинекс», а на День учителя – видеоплеер. Я точно помню, я папе рассказывала, а он и говорит: «Может, ей на первое апреля электрический стул подарить?»

– Короче, всё это полная ерунда, – решила Евдокимова. – Такое любой подарит. Надо подарить ей что-нибудь душевное. И не от родительского комитета, а от нас самих.

– У нас в подъезде щенки родились, – говорит Женька Полунина. – Жутко породистые. Южнолабрадорская лайка. Помесь с гибралтарским боксёром. Только они дорогие.

– Надо скинуться, – предложил Петросян. – Скидывались же на пылесос.

– Сравнил, – говорит Полунина. – Сколько пылесос стоит, это только на хвост собачий хватит...

– Значит, надо не один большой общий подарок, а много маленьких, – придумал я.

– Точно, – обрадовалась Евдокимова. – Много маленьких подарков гораздо лучше, чем один большой. Пусть каждый подарит Майе Первомаевне что-нибудь хорошее от себя лично. От души и на память.

Дома я поскорее пообедал и стал думать, что бы такое подарить Майе, чтобы на память и от души.

Надо бы подарить что-нибудь такое, что я сам люблю, чтобы совсем уж от души. А я много чего люблю! Больше всего я люблю трёх барбосов, которые живут у нас на даче. Мохнатую маму Рыжуню, её старшего сына Барошу и младшую дочку Дырку. Нашего пожилого кота Мяку Тимофеевича Мячкина я тоже люблю как родного и, пожалуй, никому не подарю, даже от души и на память. В компьютере я люблю «Командос», из музыки «Продиджи» и «Сплин»... Но всё это как-то не очень подходит нашей Майе Первомаевне... Я порылся в «Лего», как следует погремел деталями и выбрал для неё трёх отличных чубриков. Но тут подумал, что ведь она не станет в них играть и мои бедные милые чубрики будут просто так пылиться где-нибудь у неё в квартире, рядом с лишними электрическими чайниками и миксерами... Пожалуй, я подарю ей свой старый велик, ей наверняка полезно заняться велоспортом... Но она на нём вряд ли поместится. Раздавит ещё, свалится. Хрясть – и нету.

У меня просто голова разболелась, и я поехал на роликах в парк. В парке я встретил Женьку Полунину, тоже на роликах, и очень обрадовался. Она тоже обрадовалась. Мы с ней стали носиться, беситься и колбаситься, ели мороженое, пили коку и никак не могли придумать, что же подарить Майе Первомаевне.

Потом мы с Женькой подъехали навестить заброшенный памятник неизвестно кому. Он стоит в нашем парке ближе к боковому выходу – на пьедестале плечи с головой, называется бюст. Он уже совсем старый и облезлый, с отбитым носом и похож на пугало огородное, а не на памятник. Весной девчонки любят надевать на него венки из одуванчиков.

– Бедный, совсем облез, – пожалела Женька. – А представляешь, как

ему тут грустно одному, особенно если ночь или дождь?

– Надо пристроить его в хорошие руки, – сказал я.

И мы с Женькой посмотрели друг на друга очень внимательно. А у Женьки брат – совсем взрослый, в институте учится. Когда мы сказали ему, что хотим подарить Майе Первомаевне на день рождения заброшенный бюст, он долго смеялся, но сказал, что обязательно нам поможет, ведь он в детстве тоже учился у Майи Первомаевны.

В пятницу с утра Женькин брат на машине притащил памятник в школу и сам принёс в класс. А мы с Женькой решили, что на шее у памятника удобно хранить бусы, а на голове – шляпы, поэтому Женька повесила на него несколько фенечек, а мне мама дала большую чёрную шляпу, которая пахла чем-то смешным. Чтобы памятник выглядел получше, Женька подрисовала ему глаза и наредила губы.

Когда все собрались и стали показывать друг другу подарки, мы с Женькой сразу поняли, что наш – круче всех! Ведь другие притащили какую-то полную ерунду.

Евдокимова, наша главная умница и читательница, приготовила толстую растрёпанную книжку. Сказала, что это самая интересная и любимая книжка на свете, потому что в ней нет ни начала ни конца.

Гунькин принёс гитару и сказал, что выучил для Майи Первомаевны очень душевную и жалобную песню.

Котов приготовил салют и фейерверк. Кравченко откуда-то приволок довольно крупный скелет, светящийся в темноте.

Вот у Петросяна тоже ничего себе был подарок. Он где-то добыл, выменял у кого-то, африканского таракана редкой породы, величиной примерно с мою кроссовку. Таракан сидел в трёхлитровой банке и шевелил усами. Вещь! Все девчонки громко визжали и махали руками, а Смирнова

стала как-то подозрительно заикаться, и Петросян накрыл таракана оренбургским пуховым платком, который принесла в подарок наша хозяйственная Попова.

Ну а уж про всякие шкатулочки с сюрпризами, выжигания по дереву, вышивания, бисероплетения, поздравления в стихах, огромные пальмы в горшках, попугаев в клетках, тортики, камни и другие икебаны я даже не говорю.

К первому звонку у нас всё было готово. На столе у Майи Первомаевны стоял памятник в шляпе и с фенечками, рядом с памятником – Гунькин с гитарой. В углу у окошка притаился Котов с салютом и фейерверком. За дверью окопался Кравченко со светящимся скелетом.

Прозвенел второй звонок, все притихли, и Майя Первомаевна открыла дверь в класс.

Котов тут своим салютом как жажнет, как прибабахнет! Дыму, грому!.. Из-за двери Кравченко вместе со скелетом выскакивает, Петросян таракана подсовывает, девчонки с вышиваниями лезут, поздравительные стихи читают, а Гунькин на гитаре что есть силы играет и вопит:

– Когда! С тобой! Мы встретились! Черёмуха! Цвела! И в летнем! Парке! Музыка! Играла!.. И было! Мне! Тогда ещё! Совсем! Немного лет! Но дел! Успел! Наделать! Я! Немало!..

Майя Первомаевна, конечно, слегка покачнулась. Но всё-таки немножко улыбнулась, схватилась одной рукой за стену и, разгоняя другой рукой дым от салюта, стала пробираться к столу.

Увидела наш с Женькой подарок, довольно сильно вздрогнула, уронила портфельчик и закрыла глаза. Но тут же открыла, потому что в класс вошли целых две делегации – от родительского комитета и от учителей школы. С цветами и подарками. Майя Первомаевна посмотрела на электрический чайник и коробку с миксером, засмеялась каким-то странным голосом и полезла под стол прятаться...

В классе после салюта ремонт делали. Гунькин капитально охрип. А Майя Первомаевна немножко заболела, но, когда выздоровела, в школу уже не вернулась, а открыла магазин бытовой техники.

А наш с Женькой подарок всё равно круче! Потому что от души. И на память...

Приключения папы

В школе № 3076

* * *

Вот что теперь в школах творится! Вот уж история так история... Но всякие смешные истории в школе случаются не только с учителями и учениками, но и с папами и мамами. Вот, пожалуйста: кошмарная история, рассказанная Ваней Щеголёвым.

Мама принесла домой морское чудище. Оно было здоровенное, усатое и с клешнями. Когда нас водили в музей естествознания, я видел там таких в банках, только они там дохлые уже, заспиртованные. А этот бедняга – замороженный.

– Это королевский лобстер, – сказала мама. – Нам на ужин. Знаешь, полезный какой?

Мама села на диету. Вчера она специально ездила за город, чтобы набрать листья молодых одуванчиков и крапивы для салата. А сегодня, значит, морское чудище.

Стали мы с мамой его варить. Мама приправ всяких в кастрюлю горстями сыпет, лобстер булькает, варится, даже окна запотели. Салатик из одуванчиков нарезали, тут папа входит.

Потянул носом и говорит:

– Чем это несёт прямо с первого этажа? Опять, что ли, трубу где-то прорвало? Безобразие!

Я сказал:

– Пап, ты что, это же наш ужин. Лобстер королевский. Знаешь, полезный какой?

Папа заглянул в кастрюлю и опять потянул носом.

– Очень интересно, – сказал папа. – Я работаю по шестнадцать часов в сутки, иду домой, мечтая о бифштексе, а меня в родной семье встречают варёными тараканами.

– Иногда полезно посидеть на диете, – сказала мама. – Разгрузить свой организм, подпитать йодом, морскими витаминами...

– Хорошо, уговорила. А на гарнирчик что?

– Салат из молодых одуванчиков, – похвасталась мама. – С крапивой.

– Я что, кролик, что ли? – взвыл папа.

– Одуванчик богат витаминами и микроэлементами, – сказала мама. – И вообще сейчас май, и надо благодарно пользоваться тем, что даёт нам природа. Это очень омолаживает организм.

Мы стали есть лобстера. А что, ничего! Тем более что я ел лобстера первый раз в жизни и поэтому загадал желание. Даже целых три – чтобы в Африке побывать, чтобы лето было недождливое и чтобы все собаки и кошки стали пуленепробиваемыми.

Мы с мамой съели лобстера с удовольствием, а папа всё ворчал и морщился, особенно когда жевал одуванчики с крапивой. После этого он нажарил себе шпикачек с кетчупом и заметно подобрел.

– Ты, папа, совсем не печёшься о своём здоровье, – сказала мама. – Неправильный ты какой-то.

– Может, ты «бэшка?» – догадался я. – Вот я – «ашка», и мама тоже в школе была «ашкой», а ты, наверное, «бэшка».

– Да, – сказал папа гордо. – Я учился в классе «Б».

– Так вот оно что. – Мама даже перестала есть одуванчики. – И почему я не поинтересовалась этим до свадьбы?

– Но потом перешёл в «А», – поспешил добавить папа.

– Значит, ты, папа, как Раппопорт.

– Что за Раппопорт ещё?

– Псих один, с нами до третьего класса учился. Круглый отличник, а шуток не понимает. Ему говорят «Раппопорт-аэропорт на колёсиках приехал», а он ябедничает, что это неприличные слова. Потом ему однажды случайно четвёрку по математике поставили, его мама обиделась и перевела к «бэшкам».

– У вас там вечно неизвестно что творится, – нахмурился папа.

Папа с самого начала предлагал отдать меня в военное училище с преподаванием ряда предметов на китайском языке, потому что оно ближе всех к дому. Но мама решила, что лучше мне учиться в той же школе, в которой училась она, потому что, во-первых, её там все хорошо помнят (в седьмом классе мама участвовала в поджоге школы), а во-вторых, фамилия-то у меня другая, никто сразу не догадается, чей я сын, а если вдруг что – мама всегда придёт и разберётся.

И тут я вспомнил:

– Наша Жанна Аполлоновна говорит, что мои родители совсем не участвуют в жизни класса. Вот бабушка Савченко цветочки в горшках подарила, потому что у Сашкиного младшего брата на них аллергия. Мама Насти Зашкиркиной двух черепашек принесла, а то они по ночам очень шуршат и топают. Все в жизни класса участвуют, а вы – нет.

– Давайте тоже что-нибудь ненужное в класс подарим, – согласился папа.

– Ага, – обрадовалась мама. – Бабушку или дядю Владика.

– Вот не хотел я его в твою школу отдавать, – с горечью сказал папа. – Из этой школы все такие, как ты, получаются. Которые родного мужа голодом уморить готовы, а всех родственников в живой уголок сдать мечтают.

– Во всяком случае, ты должен сходить к учительнице, познакомиться, поговорить по душам, – решила мама. – Учительницы это просто обожают.

– Может, лучше ты? – жалобно спросил папа.

– Нет уж, – сказал я. – Маму прибережём для аварийного случая.

Ещё с вечера папа договорился на работе, отложил все важные дела и стал собираться в школу. На специальную бумажку папа записал имя-отчество Жанны Аполлоновны, и что я учусь в пятом «А», и в каком кабинете этот пятый «А» находится. Мама нагладила ему белую рубашку, я начистил ботинки, дворник дядя Лёша вымыл папину машину.

Утром папа как следует набрызгался одеколоном и сказал, что надеется быть в школе часам к трём, как раз когда ученики разойдутся и можно будет поговорить с Жанной Аполлоновной и произвести на неё приятное впечатление.

В школе я предупредил Жанну Аполлоновну, что папа обязательно зайдёт к ней сегодня, чтобы поговорить о жизни класса и моём воспитании, а сам поскорее смылся домой сразу после шестого урока.

А дальше вот что было.

Поскольку полдня папа находился на работе и занимался всякими важными делами, он как-то замотался. (Взрослые обожают это слово. А спроси их, во что замотался или чем замотался, ни за что не смогут ответить.) Замотавшись, папа потерял листочек с именем-отчеством Жанны Аполлоновны, перепутал, в каком я классе, не смог толком объяснить, куда идёт, и чуть не подрался с охранником.

Наконец ему удалось прорваться вовнутрь. Тут его сбила с ног ватага первоклассников с продлёнки, которые мчались в столовую на бесплатный полдник – пить молоко с чёрным хлебом. Папа, можно сказать, чудом уцелел и от испуга неожиданно вспомнил номер кабинета Жанны Аполлоновны.

Но теперь, после общения с охранником и встречи с малышняй, у папы был совсем растерзанный вид, и он зашёл в туалет привести себя в порядок.

В туалете папа зачитался надписями на стенах и с возмущением пришёл к выводу, что многие слова не только на английском, но и на русском написаны с ошибками.

Папа приосанился и зашагал прочь из туалета, торопясь поскорее высказать Жанне Аполлоновне своё беспокойство по поводу преподавания языков и вообще по всем поводам.

Папа поднимался по лестнице и озирался по сторонам, опасаясь, как бы не выскочили ещё какие-нибудь дети.

В это время из-за угла на него набросилась дама.

– Ну наконец-то! – закричала она. – Мы вас ждём, ждём, а вы всё не идёте и не идёте!

Бедный доверчивый папа почему-то решил, что это и есть наша Жанна Аполлоновна, и послушно пошёл с ней. Она привела его в класс, а там – целая толпа полуголых восьмиклассниц, из обоих восьмых. Оказывается, у старших классов в этот день был медосмотр и папу по ошибке приняли за опоздавшего подросткового врача из нашей поликлиники.

Папа еле отбился от восьмиклассниц, принял успокоительное и уже прицельно пошёл к Жанне Аполлоновне.

Идёт по коридору, а наш учитель по истории Отечества, Ефим Яковлевич, что-то такое на потолке чинит. То ли лампочки вворачивает, то ли пятно от протечки ликвидирует. Он у нас страшный рукодельник, на него вся школа не нарадуется, никаких слесарей вызывать не надо. Словом, Ефим Яковлевич на потолке что-то мастерит, штукатурка вниз сыпется – прямо папе на голову.

Бедный папа уже ослаб от происшествий и ничего не сказал Ефиму Яковлевичу – ни про штукатурку, ни про нашу школу, ни про всю историю Отечества.

С головой полной штукатурки папа кое-как дополз до нашего класса, вежливо постучал и открыл дверь.

Жанна Аполлоновна с Ларисой Викторовной примеряли пляжные шлёпанцы, потому что уже весна и вообще скоро лето.

И тут – то ли лобстер с одуванчиками подействовал и папин организм резко омолодился, то ли Жанна Аполлоновна тоже за свой рабочий день здорово замоталась, то ли она просто была без очков – она увидела, что папа в дверь заглядывает, и усталым таким голосом ему говорит:

– Мальчик, ну что ты тут ходишь? Что тебе надо? Сколько раз повторять – олимпиада по географии в следующий четверг!

Папа ничего не ответил, просто ушёл и поскорее позвонил на работу –

предупредить, что берёт недельный отпуск и уезжает в оздоровительный центр для людей, переживших сильные нервные потрясения.

А нам с мамой папа вечером сказал:

– Ноги моей больше там не будет! Сами ходите в свой сумасшедший обезьянник номер тридцать – семьдесят шесть.

Ну и зря, между прочим. Мы с мамой любим нашу школу. Смешная она у нас.

В летнем лагере

* * *

1

Даша и Алина всё время воду мутят. Видят, что Клычкова тихая и бледная, ходит в наушниках, мрЗ слушает или книжки читает. Типа самая умная нашлась в отряде. Ага...

Решили её напугать. Пошептались, подготовились и подходят такие к Клычковой.

– Клычкова, тебе не страшно?

– А что?

– Ну ты же у окна спишь.

– И что?

– Ой... Просто не знаем как и сказать... Только ты не пугайся, не плачь... В прошлую смену к одной девочке, она как раз на твоём месте спала и тоже тихая такая была, пришёл этот самый, типа вампир, с...

– С синей родинкой под мышкой? – тут же перебила Клычкова.

– Нет. – Даша и Алина даже растерялись. – Не с родинкой, а с этим...

– С чёрным пальцем? – подсказала Клычкова.

– Да нет! – Даша и Алина просто уже обиделись. – С таким этим...

– С длинным зубом? – Клычкова посмотрела сначала на Дашу, а потом на Алину.

– Слушай, ты откуда так хорошо в вампирах разбираешься? – Даше и Алине стало обидно, что кто-то лучше знаком с вампирами, чем они.

Клычкова улыбнулась. Сама мелкая, а зубы большие.

– Так это наши. У нас в посёлке Клычково все вампиры. А хотите, синюю родинку покажу?

Даша и Алина ушли очень быстрыми шагами.

– Девчонкам десять лет, скоро замуж выдавать, а они в любую ерунду верят, – вздохнула Клычкова.

И чихнула зелёным пламенем.

2

Влагерь все приехали двенадцатого августа, в четверг. Девчонки собрались в своей спальне, только самую чуточку познакомиться друг с другом успели, а Даша и Алина говорят загадочными голосами:

– Да, не повезло нам... Только приехали, и сразу такое совпадение...

– Какое ещё совпадение? Почему не повезло? – Всем тут же стало очень интересно.

Даша и Алина переглянулись со значением.

– Ну, сегодня же четверг, двенадцатое. А завтра пятница, тринадцатое.

В ночь на пятницу тринадцатое приходит Чёрный Вожатый и крадёт самую красивую девчонку.

Ну все, конечно, стали хихикать, прикалываться, никто не поверил... Но на всякий случай на ночь все хорошенько причесались, набрызгались духами, а некоторые даже накрасились.

А наутро не досчитались Самсоновой. Такая белобрысая тихоня в уголке, тихоня и тормоз, сразу видно.

Мы проснулись, посмотрим, койка не заправлена, сумка на месте,

а Самсоновой нет.

Ерунда вроде бы. А неприятно так. Все прямо расстроились.

Почему Самсонова? Чего в ней такого красивого?

Сидели и молчали.

Вдруг Дубинина как захохочет:

– Ой, не смешите, Самсонова – самая симпатичная в отряде... Ой, я умру....

Так хохотала, что мы даже забоялись – вдруг она лопнет от зависти?

Стали её успокаивать.

– Ладно, не волнуйся, может, Чёрный Вожатый близорукий... Вот тебя и не разглядел... А может, спешил просто, схватил первую попавшуюся Самсонову – и ходу... Думаешь, он выбирать будет, рассматривать, дожидаться, пока охранники придут? Вот ты бы, если бы была Чёрным Вожатым, тоже бы торопилась... Или торопился, или близорукий, это точно.

И вообще... Ну вот, украдёт тебя этот самый Чёрный Вожатый. И что? Ведь ничего интересного...

Стали думать, что там Чёрный Вожатый с пойманными девчонками делает...

Ничего интересного, конечно, а всё равно интересно.

Нет, он точно дурак близорукий, если Самсонову выбрал.

А оказалось, что близорукая как раз Самсонова.

Она линзы дома забыла, ночью пошла в туалет и по ошибке вернулась в спальню другого отряда, там такая же кровать, на том же месте, свободная была. А никто же толком ещё никого не запомнил, все только-только приехали, вот ей никто и не сказал: типа девочка, ты не из нашего отряда.

Только в обед и выяснилась вся эта путаница.

Вечером приехал на машине брат Самсоновой и привёз её линзы. Больше она ничего не путала и никуда не терялась.

Так что в Чёрного Вожатого больше никто не верил. И пятница, тринадцатое, кончилась. Хотя Дубинина всё причёсывалась и красила ресницы, но уже просто так, для красоты, вообще...

Только однажды все как-то притихли и переглянулись. Когда от чёрного хода корпуса отъехал фургончик с надписью «Свежее мясо».

Но вожатая сказала, что это на кухню продукты привозили.

Драгоценная банда

* * *

Мы во вторник пол-английского прогуляли. Все, вся первая английская группа четвёртого «А», целиком. Это вот как вышло.

На большой перемене у Шагеахметовой разболелся живот. Говорили мы ей – меньше чипсов, Ильнара, меньше чипсов. Не слушалась! У Шагеахметовой разболелся живот, и её отпустили домой.

Провожать больную собралась Гаяне Степанян, потому что они лучшие подруги, надо же проследить, чтобы Шагеахметова с больным животом спокойно дошла до дома. А то мало ли, она такая маленькая и пушистая, похожая на иммунитет из рекламы.

Сандро Окрамчадлишвили пошёл охранять Гаянешку и Ильнашку, он вроде бы слышал где-то по телевизору, что в нашем микрорайоне – маньяк.

Леся Пидбабийчук всё бросила и побежала за ними, потому что влюбилась в Сандрика, это всем давно известно. Из-за Сандрика она даже научилась классно рисовать на ногтях, и у неё каждый день такой маникюр, что даже замечания ей делать перестали.

Зафар Нурмухамедалиев к нам только с этого года учиться пришёл и сперва слабовато понимал по-русски, но теперь говорит гораздо лучше, знает и «не тупи», и «что я, лох?», и «ну, жость», и «схомячил». Он очень аккуратный, если увидит на полу даже крошечный клочок бумажки, тут же подберёт и отнесёт в мусорку. И вообще Зафар – отличный член коллектива, дружный такой, увидел, что все уходят, и вместе со всеми пошёл, даже спрашивать не стал, куда и почему.

За ним погналась Наташа Ким, она сидит с ним на одной парте, помогает ему поскорее привыкнуть к новому коллективу, и уже довольно здорово научилась от Зафара всяким там «не тупи» и «жесть» по-таджикски.

«Зафар, погоди, без меня не вздумай!» – крикнула ответственная Наташа, резко перестала играть в шахматы с Грихой Шперовичем и убежала.

Гриха сначала спрятал шахматы в коробку, а уже потом удивился и со словами «народы, вы куда?» тоже понёсся на улицу.

За ним рванул и Яха, брат Грихи, ведь Яха старше на целых тридцать минут и всё боится, что младшего Гриху кто-нибудь обидит, особенно если учесть, что у Грихи всего-то зелёный пояс по карате. А у Яхи жёлтый.

А в это время мы с Ивановым Петром готовили музыкальное поздравление на юбилей нянечке Надежде Павловне. Мы репетировали старинную русскую песню «И снится нам не рокот космодрома», Иванов – на варгане, ведь он с Чукотки, чукча наш, я так, на тамтаме постукивал, мне родичи из Марокко отличный тамтам притащили. У Иванова от инглиша вообще освобождение, он с родителями пять лет в Канаде жил, по-английски так и чешет, про что в песнях поётся, сразу понимает. Что же, мне одному на инглиш идти? Приболел я, что ли? Или я не вместе со своими друзьями?

И мы с Ивановым тоже побежали на улицу, а там погода такая хорошая, ветер дует тёплый, и костром пахнет, мы шли целой ватагой, подпрыгивая и подскакивая, и у Шагеахметовой, похоже, уже ничего не болело.

И тут Пидбабийчук вспомнила, что сегодня, как раз к нам на английский, должен прийти депутат Государственной думы, который учился в нашей школе, у нашей Ларисы Николаевны. И что Лариса Николаевна просила нас быть организованными и её не подвести. И мы все, с выздоровевшей Шагеахметовой впереди, резко так развернулись и побежали обратно в школу.

В пустом классе Лариса Николаевна разговаривала с дяденькой в голубой рубашке. Они смотрели какие-то старые фотографии и смеялись.

– Вот, прошу любить и жаловать. – Лариса Николаевна показала на нас рукой как на какую-то достопримечательность. – Извольте сами объяснить Валерию Алексеевичу, где вы пропадали двадцать минут от урока.

Мы объяснили, что у Шагеахметовой заболел живот, Степанян пошла провожать, Окрамчадлишвили – охранять, и дальше про всех, до самого Иванова.

Но дяденька и не думал нас ругать. Он смотрел на нас ласково, как будто хотел каждого погладить по голове. Глаза у него были тоже очень голубые, ещё голубей, чем рубашка.

– Значит, у вас тут, так сказать, многонациональный коллектив? – спросил дяденька. – Дружно живёте, не ссоритесь?

А какие ссоры, если мы всё распределили – кто инглиш делает, кто матику, кто русиш, кто обж, кто что, и всем остальным скатывать даёт...

То есть в смысле помогает. Иначе просто не выживешь с такими нагрузками.

И мы такие весёлыми голосами:

– Конечно, дружим!

– Вот они, корни единства и светлого будущего нашей страны, – сказал дядя, и мне показалось, что он сейчас нас всех расцелует или просто расплачется от счастья. – Вы – драгоценные цветы в огромном, прекрасном саду России...

Я даже уточнить не успел, кто мы всё-таки – корни или цветы, потому что Лариса Николаевна сказала очень строго:

– А по-моему, это хорошо организованная интернациональная банда прогульщиков и лентяев. – И начала урок.

С тех пор она нас так и называет: «Драгоценная банда».

С большим приветом

* * *

Папа спросил Тимофея, как в школе дела.

– Отлично! – сказал Тимофей. – Тебе передаёт привет учительница, Марья Антоновна.

Папа просто расцвёл.

– Надо же, как приятно. Это по физкультуре, такая стройная?

– Нет, это по химии, у неё золотые зубы и на голове из волос какое-то гнездо.

– А, – вспомнил папа. – Это у которой муж на подводной лодке служил? А когда вернулся домой, то через два дня обратно на лодку попросился? Ясно... Ну всё равно приятно. И ты ей тоже передай. А у вас что, уже химия? Ты вообще в каком классе?

– Я во втором, просто Анна Игоревна после третьего урока куда-то ушла, и природоведение было в кабинете химии.

– А мне никто привета не передавал? – спросила мама. – Например, Артур Петрович, по ОБЖ, он очень симпатичный.

– Да, классный, но в школе больше не работает, открыл магазин оружия... У него там чего только нет...

– Здорово, надо зайти, – решила мама.

– Конечно, он нам скидку сделает.

– Давно хотел купить гранатомёт, нужная вещь в хозяйстве, в наше

время, – поделился мыслями папа.

В школе Тимофей сразу встретил Марью Антоновну.

– Ты папе всё передал? – строго спросила она.

– Конечно!

– Так. И какое у него мнение?

– Он вам тоже привет передаёт. Большой. Горячий.

Марья Антоновна прямо побелела.

Вечером папа спрашивает Тимофея:

– Ну что? Передал привет Марье Антоновне?

– Да!

– Молодец. Она обрадовалась?

– Ну да, в общем-то...

– А точнее?

– Она говорит: ничего себе семья. Сколько лет в школе работаю, таких нахалов первый раз встречаю...

– Какое безобразие! – Папа обиделся. – Это мы, значит, нахалы? Интересно! Думает, раз она учительница, то может обзывать целую семью? Надо к ней пойти, разобраться...

«Ура! – подумал Тимофей. – Папа сам пойдёт к Марье Антоновне, и они сами, без меня, во всём разберутся...»

Потому что на самом деле там вот как всё было.

Марья Антоновна дала задание – чертить график погоды. А сама открыла книжку, где на обложке дяденька обнимал тётенку с длинными светлыми волосами. В классе было тихо-тихо. Даже не потому, что все очень старались начертить график погоды, а потому, что все разглядывали пробирки, колбочки и склянки в застеклённых шкафах – второклассники первый раз попали в кабинет химии.

И тут у Тимофея зазвонил мобильный. Звонок у Тимофея очень интересный – сначала негромко тявкают щенки, потом погромче кричат весенние коты, потом кто-то крупный и с насморком похрюкивает, потом блеют бараны, кукарекают петухи, а под конец кто-то очень большой громко ревёт. Телефон зазвонил на самом дне рюкзака, и, пока Тимофей нашаривал его, чтобы отключить, вынимая физкультурную форму, недогрызенное яблоко и портативную «сони плэйстэйшн», в телефоне уже вовсю хрюкали.

Самое обидное, что, когда Тимофей уже почти нашёл телефон, нащупал его и почти выловил, телефон перестал хрюкать. Наверное, бабушка (а это она звонила Тимофею, спросить коды бессмертия для «Дума», она обожает старинные компьютерные игры) догадалась, что он

сейчас в школе и подойти не может.

Марья Антоновна оторвалась от книжки и строго посмотрела на Тимофея.

Кто-то засмеялся, а Тимофей принялся со страшной силой чертить график погоды.

И тут телефон зазвонил опять. И Тимофей опять начал его искать – эти телефоны, они такие, всегда умеют спрятаться и звонить ниоткуда. На этот раз телефон дозвонил уже до кукареканья. (Это бабушка звонила похвастаться, что сама, без всяких подсказок и кодов, прошла третий уровень.)

– Дай-ка мне, дружок, свой дневник, – сказала Марья Антоновна.

И долго, долго что-то писала в дневнике, а, возвращая, прибавила:

– И передай привет папе.

Дневник папе показывать в общем-то совсем не обязательно. Тимофей даже смотреть не стал, что там написано. Ничего хорошего. Так что не надо настроение портить – ни себе, ни папе. Одного привета вполне хватит.

Но теперь, когда папа отправился к Марье Антоновне, Тимофей немножко загрустил и стал готовиться к худшему. Позвонил бабушке. Она добрая, и папа её слушается, ведь она его мама. Спросил на всякий случай, пустит ли она его к себе жить. Бабушка сказала, что как раз собирается в кругосветное путешествие автоаэротеплоходостопом и будет очень рада, если Тимофей отправится с ней.

«Пойду вещи собирать», – заспешил Тимофей.

Но папа вернулся из школы весёлый.

– Ты представляешь? Эта ваша Марья Антоновна знаешь кто? Соседка нашего дяди Бори! Разве я тебе не рассказывал про эту девочку? Когда дядя Боря жил на старой квартире, у него была соседка Муся. Она всегда у него на дне рождения лимонад с чаем смешивала и торт в эту смесь добавляла. Даже парадные брюки мне однажды изгвазила. Мы думали, просто с приветом, а она, поди ж ты, – химиком стала. Так что, если что тебе непонятно, она объяснит, по старой дружбе.

Теперь Тимофей ждёт не дожждётся, когда начнутся уроки химии, чтобы вести себя прилично. Не чужой всё-таки человек Марья Антоновна – Муся с дяди Бориного дня рождения, Муся с большим химическим приветом.

Наши корни

* * *

Мы записались на приём к директору школы. Это только так называется, на самом деле мы просто спросили у Инны Витальевны из канцелярии, когда лучше ни с того ни с сего нагрянуть к Ярославу Святославовичу, чтобы он не успел от нас убежать.

И в половине третьего мы вежливо постучались и вошли к нему в кабинет.

Ярослав Святославович перебирал бумажки на столе.

– Это что за делегация? – удивился он. – Говорите, что стряслось.

– Сейчас, – сказали мы и построились.

Первым выступил Яха и прочёл с выражением стихи Пушкина про осень, что скоро, в общем, зима. Серафим прочёл три молитвы.

Лицо Ярослава Святославовича стало удивлённое и радостное, ведь он-то думал, что мы совсем потеряли наши корни и целыми днями дуемся в компьютерные игры и читаем «Гарри Поттера».

Гия рванул отрывок из «Витязя в тигровой шкуре» на грузинском языке, вообще заслушаешься, везуха этому Гийке, от рождения, без всяких учебников, знает ещё один язык, с такими чудесными буквами... После Гии Саша Молева рассказала много народных примет и рецептов от простуды.

Мы выступали дальше, и Ярослав Святославович удивлялся и радовался всё больше и больше.

Предпоследняя была Ильнарка. Она вздохнула поглубже и затянула что-то протяжное на непонятном языке. Вообще-то Ильнарку и её брата Равиля все считают татарами. Но сами они говорят, что они очень редкая, на глазах исчезающая народность и к ним надо относиться бережно. Помоему, они заливают. Но все, даже некоторые учителя, верят им и берегут. А то вдруг исчезнут прямо посреди урока?

Ильнарка пела довольно долго, а когда умолкла на секунду, Равиль сказал:

– Это вторая часть третьей половины начала запева первого куплета. В ней рассказывается о том, как красивая и гордая девушка однажды утром у ручья...

– Спасибо, – сказал Ярослав Святославович. – Я понял... Тогда вперёд вышел Митя и достал из кармана деревянную резную загогулилку. Он заговорил было об особенных традициях резьбы сицкарей, но Ярослав Святославович спросил строго:

– Какие ещё сицкари? Кто это?

– Жители поймы реки Сить, – скромно сказал Митя. – Сейчас территория Ярославской области. На реке Сить было знаменитое сражение в 1237 году, но об этом знают только специалисты.

Ярослав Святославович провёл ладонью по лицу сверху вниз. Он молчал.

– Вы видите, что мы знаем и любим всё наше, родное, уважаем традиции и совершенно не отрываемся от национальных корней? – вежливо спросил Гийка.

– Да, вижу, – серьёзно сказал Ярослав Святославович и промокнул глаза бумажным платочком – Это так, ребята.

– Значит, теперь вы разрешите нам праздновать Хеллоуин? – обрадовалась Наташа.

Лицо у Ярослава Святославовича стало такое, словно он сам уже заранее к Хеллоуину приготовился.

Ярослав Святославович терпеть не может Хеллоуин или День святого Валентина. Говорит, что это заокеанские глупости. Дети Пушкина не читали, не знают истории родного края, не помнят своих корней, а что тридцать первого октября надо наряжаться вампирами – назубок выучили.

Но уж тут он ничего не мог поделать.

И мы нарядились вампирами, черепами и мертвецами, у Аркашки был классный костюм глиста... Ещё не все в нашей округе знают, что такое Хеллоуин. Но все побаиваются вампиров и глистов, поэтому конфет и подарков мы набрали нормально.

На будущий год тоже надо заранее подготовиться. Как следует выступить сначала перед Ярославом Святославовичем. Петть романсы, читать стихи, рассказывать отрывки из исторических книжек про святых и героев. Какое счастье, что у нас так много всего исторического и народного! До конца школы точно хватит. А там уже ни у кого спрашивать не надо – празднуй себе Хеллоуин сколько хочешь, хоть целый год.

Хотя вообще-то, если ни кого спрашивать не надо, может, нам даже вообще расхочется его праздновать?

Время

Посвящается Ане Сабецкой и её папе Стасику

* * *

Когда в класс вошёл Иван Борисович по химии, в сумке у Саши Муриной залаяла собачка. Саша уже несколько дней приносила собачку с собой в школу. На всех уроках собачка вела себя прилично, но учитель химии ей очень не понравился. Может, от него пахло чем-нибудь? Химией? Иван Борисович страшно обиделся, когда узнал, что на других учителей собачка не лаяла. Он даже раскричался. Он вообще ужасно нервный. Ластиками кидается, если что не так. А однажды так разозлился, что все колбы переколотил. После этого я своими ушами слышал, как завуч Ольга Игоревна спросила его: «Таблетки пил?» А он ответил: «Нет, мы с мамой решили попробовать один день без таблеток». А Ольга Игоревна: «Вот пусть мама тебе зарплату и платит».

– Мурина, – сказала Ольга Игоревна, прибежавшая на крики Ивана Борисовича вместе с охранником и медсестрой. – Ты как додумалась собаку в школу притащить?

– К нам в гости приехала родственница из Мордовии, очень толстая и рассеянная. Я боялась, что она может просто сесть на собачку или случайно засосать пылесосом во время уборки.

Ей бы соврать что-нибудь, мол, ничего не знаю, это мне подкинули собачку, злоумышленники засунули в сумку... А она так серьёзно ответила. Саша Мурина очень честная и вообще хорошая. У неё задумчивые, немножко грустные глаза, и цвет у них меняется от погоды и времени

суток, как цвет моря.

– Отведи собаку домой и возвращайся, – велела Ольга Игоревна.

«Отведи собаку»! Можно подумать, это целая овчарка или эрдельтерьер! Собачка у Саши маленькая и довольно противная, я таких не люблю, похожа на какую-то муху на ножках, но всё-таки не надо, чтобы её давила мордовская тётя.

– Я провожу Сашу и прослежу, чтобы она вернулась в школу, – предложил я.

Ольга Игоревна доверчиво кивнула, лично пощупала у Ивана Борисовича пульс и ушла.

Мы вышли из школы.

– Правильно, что собаку в школу принесла, – сказал я. – Обидно же, если эта мордовская тётя её случайно задавит. У меня однажды собака под машину попала, знаешь... Лучше не вспоминать.

– Вообще несправедливо – собака может попасть под машину, а машина под собаку – нет, – сказала Саша.

– Или даже если какая-то маленькая машинка угодит под большую собаку, то машинке ничего не будет, – согласился я. – Несправедливо!

– Никакой справедливости нет на свете, – нахмурившись, повторила Саша.

Я даже остановился.

– Если мы оба понимаем, что справедливости на свете нет, значит, детство кончилось. Мы оба взрослые, что ли? – спросил я.

– Наверно, – серьёзно сказала Саша.

– Тогда давай поженимся? – предложил я.

Я уже давно понял, что жениться всё равно придётся, чтобы родители не волновались и не ставили мне в пример какого-нибудь там Вовочку, у которого уже сто детей... А ведь жениться надо на ком-то хорошем, нормальном, кто тебя понимает. И ещё неизвестно, повстречается ли мне кто-то путный в будущем. Поэтому надо сразу, уже сейчас, зарезервировать Сашу Мурину как авиабилет.

Саша внимательно посмотрела на меня своими морскими глазами.

– Давай, – серьёзно сказала она, – только не сейчас, а то завтра контрольная по английскому.

– Конечно, попозже, когда разбогатеет. А пока что я тебя могу с родителями познакомить. Они у меня такие, что к ним лучше постепенно привыкать.

Мы пришли ко мне. Там всё было перевернуто кверху дном и разбито вдребезги. Саша даже не стала собачку на пол выпускать, так в руках и держала.

Бабушка, пытаясь как паровоз и высунув язык, пыталась навести порядок.

– Это папа и мама утром собирались на работу и спорили, кто кого больше любит, – объяснила она.

Саша посмотрела на бабушку и сказала:

– Не знала, что у тебя есть сестрёнка.

– Это моя бабушка, – мне уже надоело объяснять всем. – Просто она выпила слишком много средств для омоложения и превратилась в восьмилетнюю девочку. Ей омолаживающие папа на прошлый Новый год подарил. А маме – талончик со скидкой на пластическую операцию.

На кухне дедушка пел песню Геннадию Васильевичу. Геннадий Васильевич – это чайный гриб редкой китайской породы. Он любит серьёзную музыку или старинные песни, которые дедушка называет «комсомольскими». Welcome to the hotel California или Show me the way to the next whiskey bar... Кратко дедушка зовёт свой гриб Жорой. Почему Геннадия – Жорой? Непонятно. Дедушка строгий, с нами почти не разговаривает, всё с Жорой да с Жорой. «Один ты у меня и есть, Жора», – говорит он, а гриб в ответ пускает пузырьки, как будто понимает. Нам дедушка не разрешает называть гриб Жорой. Только по отчеству – Геннадий Васильевич.

– Бабушка, что у нас на обед?

– Сегодня ничего особенного, как обычно – конфеты с ликёром на первое, вобла на третье, на четвёртое – чебуреки, а вместо второго могу наподдать вам веником.

Мы с Сашей с удовольствием пообедали.

– Здорово! – вздохнула Саша. – Весело вы живёте.

– Да, мы такие. А у вас как?

– Ну, у нас ничего интересного. Мы из тех, у кого на Новый год салат с зелёным горошком. Мои родители мечтают о втором ребёнке. Но сначала надо как-то обзавестись квартирой побольше. Так что пока они сидят вот так вот и мечтают, мечтают... А ещё у них всё время нет времени.

– Времени ни у кого нет.

Чтобы не грустить, мы пошли гулять. На пешеходке сидела гадалка, люди уходили от неё, удивлённо и радостно глядя на свои ладони. Я увидел, что это Варвара Вильямовна, наша учительница по английскому.

– Узнаёшь? – спросил я Сашу.

– Но ведь она умерла ещё в пятом классе, – удивилась Саша. – Мы деньги на цветы собирали.

– Ты только ей не говори, это невежливо.

– Twinkle, twinkle, little star, Варвара Вильямовна, – рявкнули мы с Сашей.

– Тише, а то все догадаются, что я никакая не гадалка, – прошептала Варвара Вильямовна. – Просто хочется сказать людям что-нибудь хорошее. Что всё будет хорошо...

– Приходите на юбилей школы двадцать восьмого января.

– Не могу, ведь школа находится в Центральном округе, а туда запрещён вход тем, кто не в Армани.

– Мы вам купим Армани, – пообещал я.

– Варвара Вильямовна, а у вас время есть? – спросила Саша.

– Конечно, сколько угодно.

– Можете дать немножко, а то у моих родителей нету?

Я всегда говорил, что девчонки бывают очень хозяйственные.

Варвара Вильямовна стала давать Саше время горстями и говорила:

– Вот вам много, много времени, и дни станут долгими, как в детстве...

– Это в вашем детстве дни долгими были, а теперь у всех всегда очень короткие, – это я зря сказал, не в кассу что-то.

А люди на улице слышали, что тут раздают время, и стали толпиться вокруг Варвары Вильямовны. Хорошо ещё, что полицейский с автоматом пил пиво неподалёку...

Мы с Сашей и её собачкой пошли дальше, время Саша положила в сумку и набила им карманы, погода была такая, когда в конце января становится понятно, что скоро быстрый февраль, а потом длинная весна, и вдруг нам тоже захотелось сказать людям что-нибудь хорошее, и мы стали кричать погромче:

- Грибной дождь!
- Море!
- Каникулы!
- Крутые тачки!
- Любовь и дружба!
- Гаджеты!
- Вре-мяаааааа!..

